

18+

Михаил Дорошенко

Жемчужина во лбу

Михаил Дорошенко
Жемчужина во лбу

«Издательские решения»

Дорошенко М.

Жемчужина во лбу / М. Дорошенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510827-2

«В „Жемчужине во лбу“ предпринята попытка превратить подлинные события истории двадцатого века в ряд сюрреалистически воспринимаемых образов. Проекция его мысли направлена не в будущее, ставшее настоящим, а в прошлое, имеющее черты вневременного». Олег Серов

ISBN 978-5-00-510827-2

© Дорошенко М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие к «Жемчужине...»	6
PS	7
Портрет художника в юности	8
Ритуал	15
Гармония	17
Нечаянные чары	19
Шарм шара	33
Волшебная гора	35
Конец золотого века	37
Шарада	38
Шехерезада	40
Спящая красавица	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Жемчужина во лбу

Михаил Дорошенко

Как власть мне давит на главу созвездьем тяжким треуголки!
Михаил Казаков

Дизайнер обложки Аркадий Павлов

© Михаил Дорошенко, 2022

© Аркадий Павлов, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0051-0827-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие к «Жемчужине...»

Предлагаемый текст имеет двойное назначение: с одной стороны – это роман, с другой – сборник сценариев, а чтение сценария – специфическое занятие. Приступить к чтению «Жемчужины» стоит только тем, у кого во лбу имеется своя жемчужина (или некое подобие третьего глаза), тем же, кто не в состоянии переводить тексты в изображение, рекомендуется в качестве иллюстрации просмотреть фильмы Р. Хамдамова «Анна Карамазофф», «В горах мое сердце», «Вокальные параллели», «Мешок без дна» и «Бриллианты».

Начало создания романа относится к девяностому году. По мере угасания кинематографа во всем мире стало очевидно, что ничего подобного тому, что было создано в шестидесятые годы, уже не будет никогда, но вот в связи со съемками фильма Хамдамова «Анна Карамазофф» забрезжила надежда на появление давно ожидаемого шедевра. Ибо только в хрупкой ветви хамдамовского творчества оставались еще живительные соки, способные дать прививку засыхающему дереву отечественного кинематографа. Загубленный фильм Хамдамова «Нечаянные радости» мог вывести кинематограф на совершенно другой уровень, равный, быть может, воздействию фильмов Тарковского или чешского кино 68 года.

«Увы!»

Фильм Хамдамова и Киселевой «В горах мое сердце» считается лучшей работой ВГИКа. Полагаю, что многие критики, поразмыслив, оставят его в первой десятке лучших отечественных фильмов. От фрагментов его несостоявшейся картины «Нечаянные радости» остается щемящее ощущение утерянной красоты, которая была присуща дореволюционной России. Имеется, правда, одно большое препятствие в лице самого Хамдамова. Для него творчество – способ ублажения своего нарциссизма, а не служения Искусству, только у всех, претендующих на некое искусство, таланта кот наплакал, а у него, как у Моцарта – с переизбытком.

После просмотра «Анны Карамазовой» в далеком девяносто первом году стало понятно, что перед нами ворох гениальных, но разнородных фрагментов из двух фильмов, одного не состоявшегося в прошлом и нового. Я принялся перемонтировать кадры, заделывать то тут, то там зияющие дыры в сюжете, домысливать мотивировки, переходы от одной темы к другой и так увлекся, что незаметно создал новое произведение. С тех пор я уже не мог остановиться: сюжеты многочисленных «Анн» преследовали меня днем и ночью. Чтобы как-то упорядочить поток образов, я начал создавать кино-биографию Аламеда Кирсанова, который снимает все эти опусы. Более того: живет несколькими жизнями одновременно, представляя то в образе некоего Ребуса, то в лице Зарины Мнишек, упомянутой мною в «Коридорах судьбы». Постепенно...

Сборник добавлений к сценарию «Сестры Карабасовы» приобрел размеры киноромана «Похождения маркиза де Караба в Стране Дураков или Жемчужина во лбу», рассчитанного на узкий круг читателей-визионеров.

PS

В «Вишневом саде» использованы цитаты из Чехова, в «Нечаянных чарах» цитаты из текста «По канве Рустама» Евгения Харитонова. Эпиграф взят из произведения Михаила Казакова, поэта, автора текста «По канве Идиота». «Визит дамы» написан в соавторстве с Александром Шпагиным.

Мнения персонажей, представляющих из себя квази-философию, не относятся к авторским и приведены из сарказма – для юмора. Реинкарнация и прочие превращения используются в качестве литературного приема. Остается только разобраться, что к чему. Все тексты приведены с сокращениями.

Портрет художника в юности

«Представьте мальчика, который стоит у бассейна и бросает камешки в воду по обыкновению бездельников всех времен и народов. Мальчик с камнем в руке – это я! Пока мальчик поднимает следующий камень, из воды высовывается глуповатая физиономия слуги. Он стоит за спиной бронзовой статуи сатира, а руками держится за рожки. Я бросаю камень, стараясь попасть в него, а он всякий раз прячет голову под воду. Любимое развлечение в детстве. С детства любил пошутить...»

* * *

Огромные резные двери распахиваются перед пьяницей в лохмотьях, и его взору предстает холл шикарного отеля с фонтаном, оранжерей в глубине и павлинами. На пороге стоит группа детей во главе с учительницей, которая, указывая на оборванца, просящего милостыню, зачитывает стих:

– Смотрите ж, дети, на него, как он угрюм, и худ, и бледен! Смотрите, как он наг и беден...

– Так бейте же его! – восклицает один из мальчишек с хитрыми веселыми глазами, и дети забрасывают его апельсинами.

* * *

«Я родился в начале века в семье богатого земле-и-чего-то-еще-там-владельца в Кисловодске. Вычурный домик рядом с вокзалом на холме принадлежал нашей семье до революции. Включайте воображение: сейчас появится. О, появился! Не видите? Стало быть, не дано. В детстве я проглотил изумруд, размером с яйцо... впоследствии он рассосался... и стал видеть невидимое. Брал, бывало, прямоугольную линзу и обозревал через нее, что происходит в сознании каждого из присутствующих за столом. Видел, как над головой одного из гостей в ритме его шевелящихся пальцев пляшут металлические шарики. На голове хозяина дома акробатка принимала одну изощренную позу за другой. Яркие бабочки порхали вокруг младшей сестры, тарелка с супом начинала вращаться. Рыба выпрыгивали из супницы и плюхались назад. Створки раковин со всхлипами раскрывались и закрывались. Из подносов вырастали карликовые деревья с экзотическими плодами. Жемчужные ожерелья ползали змейками по столу, между тарелками разъезжал разукрашенный камнями лимузинчик. Я научился раскладывать натюрморты, которые стали ключами для выхода в Элизей».

* * *

Незримый мастер натюрмортов выкладывает на увитой плющом стене с проглядывающими изразцовыми ромбами, часы, раковины, вазы и статуи. Снимает голову Аполлона, и вкладываем ему в ладонь у бедра. Прицепившись за подол сутаны монаха с шорами на глазах, мальчик катится на роликах вдоль увитой плющом стены. Из прямоугольных отверстий в стене выглядывающие красотки, выставив прелести, подмигивают в ответ на взгляды, украдкой обращенные в их сторону.

* * *

Мальчик во фраке сидит на плечах обнаженной нимфы, стоящей на раковине в зале. Одной рукой он придерживает книгу, лежащую у нее на голове, другой, не глядя, указывает направление дирижерской палочкой. «Женщина на раковине с мальчиком на плечах, – объявляет он. – Первоначальная цена сто фунтов стерлингов. Кто больше?» Взмахом дирижерской палочки мальчик уничтожает мраморную основу пола, и он превращается в лед. Еще один взмах: лед разламывает, и все присутствующие оказываются по горло в воде. Медленными пассажами мальчик поднимает визжащих что есть мочи дам в воздух. Выделявая затейливые телодвижения, они пытаются удержаться, чтобы не перевернуться вниз головой. Тритоны, выныривая из-под воды, хватают их за щиколотки. Под очередным взмахом волшебной палочки начинается падение фрагментов потолка. Медленно падающие обломки, не долетая до пола, превращаются в муаровый дым. В дыму появляется передняя часть паровоза с головой Горгоны на тендере с разинутым в крике ртом.

* * *

Поезд прибывает на станцию, заставленную статуями, вазами и кадками с тропическими растениями. Из вагона выходит эмиром Бухары в роскошном халате зеленого бархата, расшитом парчой и усыпанном бриллиантами. Солнечный луч, проникая сквозь витражный потолок, превращает его в жар-птицу. Его встречают дамы с букетами, генералы в пестрых мундирах и подтянутые сановники во фраках. Дама, склонившаяся перед ним в поклоне, чтобы выставить грудь, колеблющуюся в откровенном вырезе ее платья, получают от него орден с бриллиантами в награду.

* * *

Руки эмира листают страницы книги с гравюрами: замки, дворцы, виллы и снова замки.
– Вот этот, – указывает палец с перстнем.
– Этого замка не существует. В каждую книгу подобного рода авторы вставляют фантом – их фантазию.
– Так постройте его.

* * *

«Таким образом, – говорит в салоне дирижабля Кирсанов, указывая на стеклянную пирамиду с замком на крыше под стеклом, – на вершине первого небоскреба в Европе был выстроен замок. Копия того замка, в котором я родился. И вот сейчас, когда путешествия на дирижаблях стали доступны публике, мы увидим его. По вечерам перед домом устраивались представления. Я появлялся перед домом всегда на закате. Такие дела всегда творятся на закате. Потом, когда с возрастом потерял чудную способность, снял эпизод с левитацией в фильме о Моцарте».

* * *

– Я – ариэль! – объявляет мальчик, бросая треуголку в сторону. – Меня зовут Аламед, хотя все зовут меня Керубино.
– Прячься, прячься, – начинают суетиться дамы, – маркиз!

Мальчик прячется под юбку одной из дам.

– Где этот чертов Керубино? – восклицает маркиз. – Не отпирайтесь, я его заметил.

В поисках мальчика он задирает юбки у дам, но тот перебегает за его спиной к той, которая уже проверена.

– Это еще кто такой? – подходит маркиз к узорной решетке.

– Я кто такой? – восклицает пьяный мужчина, стоящий за решеткой. – Это ты кто такой?

– Странно, – удивляется маркиз, – раньше этой решетки не было. Откуда взялась? Взять его, – указывает он собакам на пьяного, они проскальзывают в дырку в решетке и, окружив, начинают ластиться к нему.

– Никто не подчиняется мне в этом замке!

Маркиз подходит к столу на лужайке берет бокал, но с застывает, указывая пальцем перед собой. Мальчик делает сальто, взлетает над верхушками деревьев и медленно опускается на поляну.

* * *

«Никто, однако, не знал, что я летал по-настоящему. Все думали – фокус. Со временем эффект стал исчезать. Для возвращения способности к левитации мне необходимо было вызвать обильные слезы у какой-нибудь дамы, влюбленной в меня, что не всегда получалось – не все столь чувствительны, чтобы рыдать. Иные даже стреляли в меня, что бесполезно».

«Почему бесполезно? Вы – фаталист?»

«Приведу вам историю, произошедшую со мной в детстве, имеющую последствие в юности. Вращая часами на цепочке, я сбегает с лестницы и запутывается в подоле платья элегантной дамы. Фрачник хватает меня за шиворот. „Простите, мсье“, – вежливенько прошу прощения. „Одним „прости“ не отделаешься“, – говорит фрачник. „Какое будет наказание?“ – спрашиваю. „Дуэль! – заявляет фанфарон. – Когда вырастишь, соответственно“. Представьте теперь замок на юге Германии. На вершине круглой башни с зубцами играет оркестр, танцуют пары. Вращая тростью, годы спустя, соответственно, я подхожу к тому самому фрачнику, с которым была назначена дуэль, или к любому другому, неважно, вручаю ему трость, а сам протягиваю руку к его жене с пламенем на шляпе, и приглашаю на танец».

«С пламенем?»

«Мода такая была во времена „Андалузского пса“. Фрачник пытается оттолкнуть меня тростью. Выхватываю из петлицы ротозея цветок, зажимаю его в зубы и начинаю увертываться от его неумелых ударов. Отступая назад, подвожу его к месту на парапете с отсутствующими зубцами. Увернувшись в очередной раз, даю ему возможность отправиться в пролом и, представляя руку ко лбу, шутовским образом обзираю падение. Его жена подходит ко мне, кладет руку на спину и сталкивает вниз, а затем бросает и шляпу с огнем на полях. Присутствующие аплодируют».

«Стало быть, вы не погибли?»

«Тело погибло».

«Кто тогда перед нами?»

«Я живу несколькими жизнями одновременно. Если одно тело испортится от пули, клинка или возраста, душа переходит в другое и живет себе припеваючи. Каждая из моих ипостасей не умирает, как все, а умалется, уступая место более молодому представителю нашей славной профессии – создателю иллюзий. Не все, но многие, видят то, что я представляю в видениях».

* * *

Светская дама с красным рубином в зубах, светящемся в полутьме, спускается по лестнице из своего дома на холме. Проходя мимо статуи Зевса, указывающей ей направление назад, грозит ему пальцем. Подходит к калитке, сбрасывает шубу и, оставаясь только в туфлях и шляпе, сквозь решетку калитки позволяет бродяге осязать себя. В одной руке у нее часы с цепочкой, в другой револьвер, чтобы «осязатель» не позволил себе чего-нибудь лишнего, а также – перстень с рубином в зубах. Статуя Аполлона сбоку калитки всем своим видом выражает удивление, обнаженная богиня с другой стороны закрывает глаза тыльной стороной ладони. Через пять минут в унисон ее вздохам начинают звенеть часы, она прерывает сеанс и возвращается в дом.

* * *

«Все, что я вам показываю, – кино или видения, выбирайте по вкусу. Я рассказываю, а вы представляйте. На тонких шнурах с потолка ресторана с аквариумом вместо окна спускаются обнаженные нимфы и во всей красе повисают над столами изумленных посетителей, но стоит только к ним протянуть руку, как они взмывают вверх и застывают в узорах лепнины потолка. Представляете, что происходит с посетителями, если им всем одновременно такое привидится. Все вскакивают и с удивлением оглядываются по сторонам, и только я, как ни в чем не бывало, с ножом и вилкой приступаю к омару. Родители отдали меня в лицей, откуда вскоре выгнали за использование гипноза в эротических целях. По просьбе одноклассников вызывал видения пикантных сцен из „Трех мушкетеров“ Дюма. К сожалению, видения возникали не только у них, но и в головах преподавателей».

* * *

Рычащая от ярости блондинка в кирасе пытается поразить шпагой обнаженного мужчину с кинжалом. Он совершает маневры с глобусом, толкая под ноги, чтобы не дать ей возможности подойти на опасное расстояние. Кардинал с неодобрением наблюдает сражение, сидя в кресле на картине во всю стену. Сидящий рядом с креслом на маленьком стульчике шут со слезой на лице разводит руками. Пришпиленный кинжалом к стене человек в черном камзоле, мутным взглядом осматривая поле битвы, пытается поймать противника на мушку. «Стреляй, наконец, идиот!» – командует блондинка. В последнем усилии тот нажимает курок, но попадает в рыцарские латы, висящие на стене. Медленно рассыпаясь, они оседают на пол.

* * *

«Я переходил из одного учебного заведения в другой. Наконец, стали нанимать учителей, чтобы учить меня на дому, но никто не выдерживал больше недели, и в девять лет меня отвезли за границу, полагая, что тамошние педагоги покрепче».

* * *

– Здравствуй, маленький мальчик, который пришел в ресторан без родителей, и я его съем! – говорит в вагоне-ресторане пьяный фрэнчиск, в лице которого соединилось нечто аристократическое и свиное одновременно.

- Мальчиками интересуетесь? – говорит его маленький собеседник.
- Скорее – девочками. Желая всех одновременно и каждую в отдельности переиметь.
- Да вы Гаргантюа амурных дел, как я на вас погляжу, необузданный.
- Смотреть смотри, а в суп не клади. Люблю пошутить.
- Ценю остроумного собеседника, – говорит мальчик, изучая меню, – а то всякая шваль попадается. Официант, мне это, это, это и, пожалуй, вот это...
- Это вино: детям нельзя.
- Ничего, у меня есть свое, – достает мальчик серебряную фляжку.
- Как видите, молодой человек, я пьян, а пьян всегда я.
- Это заметно.
- На том стояла и стоит Русь великая.
- Во-первых, молодой человек, это вы, не думаю, что вам более двадцати пяти, то есть ровно в два раза больше, чем мне, а я, стало быть, маленький мальчик, которому вино еще не подают; а во-вторых, можете называть меня молодым человеком, а я вас – стариной, согласны?
- Что ждет от жизни мой коллега по... по остроумию?
- Люблю летать я оводом и жалить лошадей...
- Дам прекрасных во всех отношениях еще лучше. Надеюсь, у вас уже есть то, чем можно жалить их проклятых?
- Я обладаю способностью пуговицы расстегивать у дам на расстоянии, – указывает мальчик ножом на даму за соседним столиком, у которой просыпались пуговицы на пол, – двигать чашки взглядом и многое другое. Виденья вызывать во сне и наяву.
- Браво, молодой человек, браво! Кто много хочет, тот кое-что получит от жизни. Мне же через физиономию мою не перешагнуть. Ежели какие-нибудь путешественники из лучших миров будут судить о человечестве по моей физиономии, то им покажется, наверное, что человек произошел от смеси обезьяны, – показывает он по сторонам, – со свиньей. Приятелю обычно говорю: «Экая ты, братец, свинья, ну, право же, как я!» Никто не обижается, ибо... ибо я пьян, а пьян всегда я!
- Повторяетесь, слегка, старина.
- Мы как будто бы уже на «ты»? Экая ты, братец, свинья... о, уже говорил! Несмотря на физиономию, мне не чужды человеческие страсти и привычки. Физиономия, как ты видишь, у меня похабная, а душа – нежная. Тянет меня, знаешь ли, к красоте людской, человеческой, женской, чтобы восполнить потерю своего достоинства, должно быть. Что есть достоинство? Есть ли достоинство у этих смазливых барышень, о которых говорят: хорошенькие, как поросеночки. Они-то родства со мной не признают: тянет их к этим обаятельным мерзавцам с широкой честной улыбкой на лице. Красота всегда у пошлости в плену...
- Красота у самой себя в плену, – отмечает мальчик.
- Бойтесь людей с как будто бы прилипшими улыбками на лице. Они – само обаяние, но...
- Именно таким я собираюсь стать...

* * *

«И, как видите, стал, – добавляет Кирсанов в салоне дирижабля. – Такими мы были в детстве, такими остаемся и поныне. Спросите, кто мы? Отвечу: мы, Кирсановы! Говоря „мы“, имею в виду то, что живу, как уже говорил, несколькими жизнями одновременно. Оставаясь тем, кем себя заявляем в реальности, „мы“ на самом деле являемся одной и той же личностью – режиссером Кирсановым. Более рациональным языком объяснить подобный феномен невоз-

можно – остается только поверить. Меня часто спрашивают, кто я, чем занимаюсь и что имею в виду...»

* * *

– Что вы ищите, молодой человек, позвольте спросить?

– Место в Лондоне, обозначенное на карте из коллекции лорда Хешинера, которая частично сгорела в восемнадцатом веке. Мне необходимы карты разных лет. На пересечении линий от одной исчезнувшей башни к другой... существующей... должна обнаружиться точка, в коей и находятся искомые сокровища или разгадка жгучей тайны. Поскольку вы – полицейский...

– Минуточку, откуда узнали, что я полицейский? Впрочем, понятно. Вы человек наблюдательный, должно быть, – художник. Вот, вы художник, а я полицейский – сугубо земной человек. Но в каком-то смысле наши профессии схожи.

– Моя фамилия Кирсанов. Запомните: Кирсанов! Я – самый известный из всех неизвестных создателей прекрасного в мире.

– Нескромно... нескромно, но вам видней. Быть может, и вы мастер своего дела. Чтобы поймать преступников, я изучаю окурки, отпечатки пальцев снимаю, допрашиваю свидетелей. Имеются, однако, другой способ, и я его пытаюсь использовать ночью: брожу по Лондону в поисках заветной двери, чтобы увидеть наш мир с изнанки. Поймите меня правильно: я не сумасшедший...

– Пока вы искали, я изобрел аппарат для заглядывания в прошлое.

– И где он?

– Здесь, в голове.

– Покажите тогда что-нибудь.

* * *

«В мгновение ока англичанин оказался у входа в шикарный отель, куда и вам предлагаю переместиться. Взглядом, во всяком случае. „Скажите, пожалуйста...“ – обращается англичанин к щеголю в белом костюме, сидящему в кресле с книгой на террасе отеля...»

* * *

– Ларелла ла би, – не дослушав вопроса, заявляет щеголь, – как говорят ларебийцы, что означает Лареллия превыше всего, – и вновь углубляется в книгу.

– Простите, как вас зовут...

– Битвинус.

– С... странное имя... что-нибудь означает или так себе ничего не значащее звуко сочетание?

– Неуместный вопрос. Я Гермес! Трисмегист, если хотите. Квазифическая сущность, мастер красного слова, а также бардового.

– Что-то вы притчами выражаетесь. Вы литератор, должно быть?

– В моем ответе все заключено. Если не нравится Битвинус, зовите меня Твимбус, Гипнозис или Гекубис. Что мне Гекуба, слышали такое? Не хотите, то – Антиномис.

– А я, тогда кто?

– Маркиз де Караба, если хотите?

– Да-а... Кто бы мог подумать! А где мы?

- На острове, где же еще.
- Что за остров?
- Ну, вы совсем без памяти, как я на вас погляжу. На Ларелле!
- Что за Ларелла.
- Старинное название Лапуты, если это вам о чем-нибудь говорит.
- Мы, на острове? Что за дом такой вычурный?
- Отель Элизей, и этим все сказано.

* * *

«Он так и остался сидеть за столом с разведенными от удивления руками. О том, что буду знаменит, я узнал, в будущее заглянув невзначай, из текста саркастической поэмы обо мне. Пропускаю „ковёр словесной вязи“ и прочие завитушки, и приступаю к сатире. „В ветвях орнамента, паучьи сети распустив... надо же, какой па-а-фос! ... сатир сидит факир-иль-чародей и лунными торгует бликами обмана. Поклонниц глупых мотыльковый рой – губительная лампа: „Хочу, чтобы покончил кто-нибудь из-за меня с собой!“ Фраза гибкая и пестрая, словно гюрза, по бархату зеленому ползет в его поверьях...“ Ну и так далее... Напрасны попытки меня вразумить. Я – из алчущих неправды, негодяй по призванию. Любая сатира на меня – панегирик».

Ритуал

«Представьте теперь точную копию нашего дома в Кисловодске, выстроенного тем же архитектором в Австрии. „Откройте! Откройте!“ – стучит юноша в дверь особняка и заявляет, что его преследуют воры, шуты, кредиторы, бандиты и... полицейские. Дверь раскрывается, и он входит в огромный, зеленого мрамора, холл с лестницей в глубине, за которой просматривается оранжерея. Между крыльями лестницы на диване располагается дама в пышном шелковом платье с красно-зелеными кленовыми листьями на желтом фоне...»

* * *

– Признайтесь, юноша, кто вы?

– Я – вор.

– Раздевайся, ворушечка, и ползи. Теперь обворуй и меня! Забери все, что есть ценного на мне.

Он снимает с нее сережки, кольца, браслет, вытягивает бусы. Не зная куда положить, надевает побрякушки на себя.

– А теперь расскажи, что привело тебя сюда.

– Я упал с неба, а если точнее – выпал с дирижабля, а если еще точнее – меня выбросили. Могу рассказать, как все было...

* * *

Молодых человек идет по коридору вслед за старухой в вычурном парчовом платье. Он оборачивается – вокруг никого нет – достает маленький пистолетик и несколько раз стреляет ей в затылок.

– Стреляйте громче, молодой человек, – говорит она, не оборачиваясь, – я плохо слышу.

Он стреляет еще пару раз, она оборачивается неожиданно помолодевшим лицом Патриции Шарм.

– У вас холостые патроны, юноша.

Тот с изумлением смотрит на пистолет.

– Сколько вам заплатили? С вами зло пошутили.

Из кают начинают выглядывать люди.

– Время от времени я должна подвергаться смертельной опасности, – говорит она, приглашая его войти в свою каюту. Два дюжих охранника подталкивают его в спину. – Это очень полезно для омоложения... Вас наняли, – продолжает она в каюте, – чтобы убить меня?

– Нет, это была шутка, – бойко отвечает юноша.

– Наняли, наняли! По моей просьбе. Вы выполнили задание, вот вам деньги, но вы должны понести наказание за то, что подняли руку с пистолетом на женщину в... возрасте! Бросите его в то место, которое он заслужил.

Молодцы хватают юношу и выкручивают руки.

– Все вверх! – орет подвыпивший господин, подталкивая то одну, то другую даму под зад. По узкой винтовой лестнице все поднимаются вверх и выходят на покатуую поверхность дирижабля. В разрыве облаков видна верхняя часть замка. Молодцы раскачивают юношу и бросают его в белую мглу. Он падает на верхушку дерева.

* * *

– Теперь меня преследует почитатели Патриции Шарм, желающие отомстить за нее. О, звонят!

Дама поднимает подол своего пышного платья, и юноша ныряет в укрытие. Двери распахиваются, и входят двое полицейских.

– Мадам, к вам забрался вор, – говорит полицейский. – Можно ли нам здесь осмотреться?

– Делайте... делайте, что заходите. Надеюсь, под юбку ко мне вы не будете заглядывать?

– Как можно, мадам!

Полицейские с двух сторон поднимаются по лестнице в оранжерею. Находят сатира в фартуке, надевают на него наручники и возвращаются в зал.

– Вор арестован, мадам.

– Ну, это, пожалуй, не вор, а масон. Видите, фартук на нем?

– Что вор, что масон, все – фармазон.

– Благодарю, господа лицедеи, за представление, – говорит дама, бросая кошелек с монетами на пол. – Разрешаю вам удалиться. Уходите! Все уходите!

– Мы не лицедеи, мадам, а служители закона.

Полицейские подбирают рассыпавшиеся монеты, кланяются и уходят, пятясь задом.

– А ты, Пьеро, можешь остаться.

– Меня жовут... – говорит юноша, появляясь из-под подола с перстнем со светящимся рубином в зубах, – меня жовут Шиндбад.

– Неважно, как тебя жовут, – пародирует она его, – кем нажвала, тем и будешь.

* * *

«В контрасте с черно-белым изображением хорошо бы смотрелся в фильме светящийся красный камень в зубах у юноши».

«И-и... – выражая на лице недоумение, спрашивает пожилая дама в парчовом вечернем платье, – что вы хотели сказать вашим, – делает она круг рукой, усыпанной бриллиантами, – так сказать, фильмом, то бишь видением?»

«Я не делаю фильмы, я создаю ритуалы. В будущем для подобного рода представлений придумают новое слово – инсталляция, а я говорю: «ритуал!»»

Гармония

«О чарах, кстати, гипнозе, ритуалах и магии. Вы видите замок на вершине небоскреба под стеклянной пирамидой», – рассказывает Кирсанов в салоне дирижабля, указывая на шпили башенок, прорастающие сквозь стеклянный колпак.

«Кто в нем обитает?»

«Властелин мира, Европы во всяком случае, – отвечает Кирсанов. – Неформальный, разумеется».

«Что за категория?» – спрашивает человек из obsługi дирижабля.

«Должность, скорее».

«Это хорошо, что в Германии находится такой властелин. Приятно чувствовать над собой хозяина, который всем руководит, всеми распоряжается. Как зовут властелина?»

«Мориарти в жизни, доктор Мабузе в кино».

* * *

Человек во фраке с искрой, восседает в круглом зале во главе овального стола:

– Мы все здесь, господа... и дамы тоже... – с раздражением указывает он в сторону женщин, принимающих возмущенные позы, – колдуны и колдуньи, шпионы и куртизанки, авантюристы и мошенники, и прочие и прочие, собрались на первый съезд преступников Европы, чтобы разделить сферы влияния.

– Вы, Мориарти, вульгаризатор – бьет inferнального вида старик тростью в пол, – пошлый буржуазный вульгаризатор, превративший искусство в прозу, в обыденность! В бизнес!

– Не торопитесь с выводами, герр Калигари, мы только еще приступили к обсуждению...

– А вы уже навязываете нам ваши буржуазные взгляды! Я вас сейчас усыплю! – протягивает он руки вперед и делает страшные глаза. – Спи! Спи! С... пи... – но роняет голову и, опираясь подбородком на трость, засыпает сам.

– Видения, господа, – продолжает оратор, – вот с помощью чего... кстати, многие из здесь присутствующих не более чем иллюзии... мы запугаем Европу. Все человечество, – начинает орать он, – мы поставим на колени...

* * *

«Понавели тут гипнотизеров всяких!» – ворчит немец, стряхивая рукой со лба наваждение.

«Во время войны... забыл сообщить... я был летчиком, побывал в плену в замке барона Штрогейма и у его супруги...»

«Не верьте ему, дамы, – перебивает его Гармония. – ни на какой войне он не был, а уж летчиком – и подавно».

«Моя актриса не любит меня, но... уважает».

«Эти истории бесконечны и каждая следующая отрицает предыдущую».

«Но в этом смысл искусства».

«Искусства, но не жизни. Он всегда был обманщиком, создателем миражей и иллюзий».

«Разумеется, на то я и режиссер и всегда был им и буду в трех лицах по крайней мере, поскольку живу несколькими жизнями одновременно, одной из них в Германии. Однажды в юности меня наградил бриллиантовым орденом эмир Бухары, с определенными целями посетивший наш дом в Париже. Я усыпил для него очередную гувернантку, в которую тот влю-

бился, за что и получил награду бриллиантовый орден и деньги, которые позволила мне после революции окончить Оксфорд. Я едва закончил его, потому, как все свободное время посвящал кино и театру, а также познанию жизни».

* * *

Стоя за кулисами, Кирсанов объясняется в любви к Гармонии, играющей роль на сцене.

– Нет уж, увольте меня, – произносит она фразу, необходимую для очередной сценки, совпадающую с возмущением настойчивым поклонником. – Перестаньте преследовать меня, молодой человек! – добавляет она, обернувшись к нему. – Вы еще слишком молоды для меня.

– Еще? Вы подаете надежду на будущее...

– Нет, нет и нет!

– Вы обронили веер в саду – продолжает он из-за кулис в другом театре, – и я теперь молюсь на него. Хорошо, если бы вы уронили еще что-нибудь. Расческу или подвязку.

Гармония дает ему пощечину, что вызывает шквал аплодисментов в зале, и переходит на поляну перед замком, где происходит дуэль.

– Не занимайтесь ерундой, господа! Займитесь чем-нибудь другим!

– Чем? – спрашивает один из них.

– Народом, скажем, или еще чем-нибудь общественно-полезным.

– Народом... – хмыкает дуэлянт, – вот еще ерунда, – и протыкает зазевавшегося противника.

– Разрешите пройти, господа, – говорит юноша.

– Пожалуйста, – отвечает дуэлянт, вынимая шпагу из груди оседающего противника.

Юноша проходит и слышит за собой стук падающего тела.

– Ну, хорошо, – говорит она, подходя к краю сцены, – что вы хотели мне сказать?

– Не сказать, а показать, – говорит он, подходя к ней сзади, и на глазах ахнувшего зала разрывает платье на груди.

* * *

«Как оказалось, во сне, который приснился и ей, в чем упрекала впоследствии. Она постоянно жаловалась, что я навеивал ей эротические сны. Чем же еще заниматься в окопах? Ни в каких окопах я, разумеется, не был, но так говорится. В конце войны, будучи летчиком, летал с английским генералом из Афганистана в Бухару. Генерал предлагал ввести английские войска для защиты от большевиков, но эмир отказался, хотя и встретил нас, как королевских особ. Я использовал опыт пребывания в Бухаре в гостях у эмира Бухарского, чтобы с участием Гармонии Брамс и Патриции Шарм снять фильм...»

Нечаянные чары

«Датская киноактрисы Гармония Брамс и Патриция Шарм, – рассказывает Кирсанов в салоне дирижабля, – бегут от ужасов гражданской войны в Бухару. Эмир присылает за ними поезд со своим личным вагоном. По пути на них нападают красные. Белые офицеры, охраняющие поезд, переводят дам в кочегарку паровоза, а поезд отцепляют. Паровоз ускоряет ход, а вагон эмира остается на разграбление большевиков».

* * *

В вагон входит человек в круглых очках с бритой головой и подвижным лицом с крючковатым носом, похожим на клюв хищной птицы. Он приподнимает стекла очков вверх, и одну пару вниз, оставляя два стекла посередине, создающие ощущение шести глаз. Он берет со стола украшенную бисером сверкающую ткань и, пропуская ее сквозь пальцы, роняет на пол.

– Красота, – говорит один из солдат.

– Хм, красота, – говорит Шестиглазов и проводит пальцем вокруг.

Два его охранника из ручных пулеметов расстреливает роскошную обстановку вагона.

– Вы лучше занимались бы тем, что вам поручили, а не смотрели по сторонам. Опять упустили, – морщится Шестиглазов, с отвращением отпихивая попавшую под ноги голову. – Расстреляйте каждого десятого из... оставшихся в живых, – указывает он адъютанту на солдата, сказавшего о красоте, – в назидание за плохую работу.

* * *

– Жаль красоты, – говорит адъютант, выходя из вагона. – В том смысле, что ценности можно продать.

– Красота развращает людей, – говорит Шестиглазов. – Она не нужна. Красота пережиток прошлого. Она требует денег, чтобы ее покупали. Спрос рождает предложение. Необходимо разорвать замкнутый круг. Нужно уничтожать всю красоту на земле.

– Всю? И красоту заходящего солнца? – указывает помощник на заходящее солнце.

Шестиглазов делает знак рукой, и его пулеметчики, задев верхушку бархана, стреляют в закат.

– Не подчиняется?

– Пока, – говорит Шестиглазов. – Солнце, склонись! – достает он часы на цепочке и стучит по циферблату. – Даю полчаса!

– Вы победили.

– Мы осажденная крепость... как всегда... на которую смотрят в лорнеты, монокли, пенсне, телескопы, бинокли, очки, перископы и... микроскопы. Действуя с военной беспощадностью, зная о том, что наступит всеобщая социалистическая война, и при гораздо большем оружии, чем можно учесть и раздать для обучения взрослого населения без различия пола и возраста даже, мы в силах одолеть изъявления усталости и колебаний и укрепить себя в сознательной выучке, став как светоч для всех в горниле кровопролития.

– Умно, ох как умно!

– У нас хватит денег, экспроприированных у преступных элементов, скрывающих золото, серебро, ювелирные изделия... и антикварные, вывозимые под видом посольского инвентаря дипломатами для растления жен и дочерей угнетенного класса, чтобы купить паровозы, машины, станки, на которых мы сделаем танки, орудия и броненосцы, чтобы отвоевать у них

впоследствии все, чтобы уничтожить в горниле пролетарской ненависти последние следы феодализма и мракобесия.

* * *

«В знак особого благоволения эмир приглашает Гармонию Брамс и Патрицию Шарм на прием в свой гарем. Придворный геомант ведет дам по залу со свисающими с потолка стеклянными клетками в форме шестигранных китайских фонарей. В них – наложницы. При появлении гостей, они, изнывая от страсти, принимают всевозможные позы чувственного характера».

* * *

– Милые дамы, сюрприз, – объявляет эмир и щелкает пальцем. – Ваш режиссер!
– Глаза б мои не смотрели, – закатывает вверх глаза Гармония, и отворачивается. – Как же ты мне надоел, – заявляет она, когда он подходит к ней и целует в щеку.
– Вы отлично владеете русским, – удивляется эмир. – Вы датчанка?
– Наполовину. Отец у меня датчанин французской генерации, а мать русская.
– Понятно, тогда понятно. Теперь вы, мадмуазель! – обращается эмир к Патриции. – Мы все знаем роли Гармонии. Расскажите теперь о себе. Говорят, вы превзошли Мату Хари в коварстве!
– Мюзидору, скорее, и только в кино. В богатый дом в предместье Парижа, – начинает рассказывать Патриция, – является женщина под вуалью, – чтобы продать в рабство подругу, задолжавшую деньги...

* * *

– Говорят, вы скупаете ценные вещи, картины и...
– Статуи, – говорит хозяйка дома.
– А людей вы скупаете? – сдергивает посетительница покрывало, и в зеркалах, заполняющих холл, отражается обнаженное тело Патриции.
– Как же ее можно использовать? В качестве женщины, разве что?
– Для курьеза! Берете?
– Разве что из курьеза, – говорит хозяйка и щиплет ее за щеку.

* * *

«Хозяева дома покупали ее из курьеза, но она вскоре подчиняет их своей воле. Будучи цирковой актрисой, выступающей в роли женщины-змеи, она принимала немислимые позы, производя ужасающее впечатление на свидетелей. Патриция становится на руки и скручивается так, что превращается в нечто вроде сирены или гарпии. Обтянутое в чешуйчатое с золотистым отливом трико тело затейницы под гипнотическим воздействием твердеет и металлизировается. Статую продавали на аукционе, а ночью Патриция оживала и обворовывала очередного владельца. Фейяд объявляет конкурс на роль Мюзидоры в фильме „Вампиры“. Побеждает актриса, которая наиболее точно воспроизвела танец авантюристки. Снимаясь в роли Мюзидоры, она появляется в закрытом с ног до головы прозрачном кружевном трико. Чтобы ее не узнали, она появляется в обществе под густой вуалью. Влюбившись в Гармонию Брамс, следует за ней в Россию...»

* * *

– Что это было? – спрашивает эмир, вставая. – Я все увидел. Как называется то, что увидел?

– Нечаянные чары, – поясняет Кирсанов, проводя полукруг рукой, как бы включая присутствующих в сюжет.

– А, понятно, – кивает головой эмир, – забавно, забавно. Затежливо, во всяком случае.

– Ваше величество, – подходит к эмиру один из придворных, – разрешите обратиться. Неприятная новость.

– Моя лошадь заболела или гарем объявил забастовку, – говорит эмир, оборачиваясь к Кирсанову, – как это модно сейчас в Европе?

– Не столь страшная весть, однако, достаточно неприятная...

– Говори, не тяни!

– Посол из Совдепии.

– У нас есть преступники в зиндане?

– Разумеется, преступники всегда имеются.

– Казните двух-трех!

* * *

– Быть беде, – говорит про себя английский посол.

– Почему он велит казнить своих преступников, а не пришлых? – спрашивает его Гармония.

– Высшая степень раздражения у его величества, коей, в сущности, либерал.

– Хорош, либерал!

– По меркам востока, мадам.

* * *

– Предлагаю пари, – говорит геомант после ухода эмира. – Я соблазню вас за десять минут.

– Вы привлекательны, не спорю, – отвечает Гармония, – боюсь только, после всего сказанного о ваших особенностях, у вас нет шансов на успех.

– Не соглашайтесь, – кричат из своих клеток наложницы, – он вас обманет!

– Вы боитесь?

– Отнюдь! – заявляет Гармония, достает из сумочки браунинг и кладет рядом с собой. Раскинув руки по спинке дивана, она смотрит на него и снисходительно улыбается.

– Восточная мудрость гласит, – медленно с расстановкой начинает говорить геомант, – если шакал выпивает луну из бассейна в саду Словоохотливых Роз, он становится принцем на час.

– На час... – еще иронично вторит Гармония, но ее голос уже плывет.

Она замирает под пристальным взглядом чародея, ее голова откидывается назад, и она несколько раз вскрикивает от неожиданного наслаждения.

– Я ненавижу свою плоть, ненавижу! – восклицает Гармония. – Это она победила меня, а не вы!

– Вы должны переспать с тем, на кого я укажу.

Гармония с ужасом взирает на украшенный камнями халат эмира, уроненный им на ковер.

– Нет, – качает головой геомант. Он притягивает ее за бусы к себе и шепчет что-то на ухо.

Она разворачивается и уходит. В его руке остаются бусы – нитка лопается, и бусинки рассыпаются. Она заходит в оранжерею со статуями между кустами. Солнечные лучи, проходящие сквозь витражный стекла оранжереи, отражаются в колеблющейся воде бассейна, наполняя зал радужным изменчивым светом. Наложница показывает в танце недвусмысленные знаки.

– Нет, нет и нет! – машет руками Гармония и отворачивается к изразцовой стене с раковиной у дивы в руке.

– Становись на колени и проси прощения, – требует геомант.

– У кого?

– У стены.

Она сползает по стене и приникает губами к раковине:

– Нет, нет, нет и нет...

* * *

«Геомант руководит происходящими интригами, создавая для развлечения эмира бесконечный спектакль, а ваш покорный слуга снимает его на пленку. „Составителю самой изощренной интриги, – объявляет геомант, – предлагаю приз Хрустальная Гармония – вазу в виде женской головки из горного хрусталя, обладающую по древнему поверью способностью зачаровывать всякого, кто к ней прикоснется“. Побеждает Гармония Брамс фактом своего присутствия при дворе. Гармония мечется ночью по комнате, не в состоянии заснуть. Несколько раз приближается к вазе, протягивает руку и отдергивает ее. Наконец, набрасывает на нее покрывало, но через некоторое время вскакивает с постели, срывает тонкую ткань и медленно приближает губы к холодному лику хрустальной чаровницы. На мгновение ей кажется, что лицо оживает. Она вскрикивает и убегает в комнату Патриции. Геомант приглашает всех на ритуал наказания „беспутницы“. Он бьет хрустальную красотку тростью по лицу. Сверкающий бисер два-три мгновения висит, словно роса на паутине, в воздухе, после чего узоры стягиваются к центру и превращаются в кустистый канделябр, затем – в букет причудливых цветов и в вазу вновь».

* * *

По ступенькам мраморной лестницы поднимается Гармония в пышном подвенечном платье, которое она, не надевая, прижимает к себе. На верхней площадке лестницы восседает на диване Патриция с маской Кошечки в руке.

– Приблизься, – раздается голос режиссера, – роняй свое платье...

Гармония швыряет платье на пол.

– Но этого не было в сценарии!

– Это повод лишний раз показать тебя в нижнем белье на экране. Переступай через платье, поднимайся по лестнице.

– Скажи, Аламед, – спрашивает Гармония, – зачем ты постоянно принуждаешь меня играть сцены подобного рода? Я играю, потому что актриса, но в жизни – нет, не играю!

– Скажи-ка, дорогая, ведь недаром Москва, захваченная большевиками, на разграбление отдана?

– То Бог, а то твои прихоти!

– Не кажется ли тебе, что все происходящее вокруг не жизнь, а репетиция того, что предстоит еще снять.

- Зачем ты отдал меня геоманту?
- Ты же влюбилась в него!
- Он влюбил меня в него посредством гипноза, но я испытываю чувства к нему только тогда, когда он находится рядом. Я здесь прочла книги ваших ортодоксальных святых, и все они в один голос называют все это, – делает она полукруг рукой, – прелесть. Ложь – то есть!
- Правильно – прелесть.
- Еще сказано: отдай Богу богово, а кесарю – кесарево.
- Если отдать Богу богово, то на земле ничего не останется, самой земли не останется. Что останется кесарю? А человек сам себе кесарь и бог. Зачем, спрашивается, Богу создавать женщину столь привлекательной, что ею прельщаются даже ангелы?
- Любовь возвышает, а порок убивает.
- От перемены пола партнера ничего не меняется.
- Нельзя сводить возвышенное к низменному.
- Что есть возвышенное? Мысль уходит вверх, но никогда не может достичь конца бесконечности. Не лучше ли облагородить...
- Порок?
- Соединив его с добродетелью.
- Несоединимые явления!
- Все соединимо, – говорит Кирсанов, – все! Особенно в кино. Он разворачивает ее к зеркалу и, стоя за ее спиной, начинает расстегивать пуговицы у нее на груди.
- Это еще для чего? – делая удивленное лицо, спрашивает она и поднимает руки как бы для защиты, но не препятствует, ожидая ответа.
- Для иллюстрации тезиса, дорогая Гармони о соединении моего порока с твоей добродетелью.
- Нет... нет... о, нет! – разворачивается она к нему лицом и делает движение рукой, как отталкивая нечто исходящее от него. Он целует ее в ладонь и вновь разворачивает к зеркалу.
- И не закрывай глаза, я хочу видеть отраженье моего порока на твоём лице, преисполненном добродетели во гневе...

* * *

- Гармония сбегает по лестнице в слезах.
- Сцена возмущения! – объявляет Кирсанов с верхней площадки лестницы, обращаясь к игрушечному клоуну в рост человека. Он снимает голову клоуна и сталкивает ее вниз по лестнице вслед за убегающей Гармонией.
 - Бедный Йорик, – поднимает эмир голову с пола, вкладывает в рот перстень с камнем, роняет ее и уходит, слегка похлопывая в ладони.
 - Навстречу ему ползет по ковру черепаха, разукрашенная драгоценными камнями, пылающими в луче солнечного света из окна.
 - Bravo, bravo! – аплодирует эмир. – Прекрасная выдумка!
 - Цитата из Гюисманса, ваше величество.
 - А, «Наоборот», припоминаю.
 - Трудно удивить человека, который бывал в Париже.
 - Его величество, – берет за рукав Кирсанова один из придворных, – не человек! Он посланец Аллаха на земле!
 - И.о. пророка, – иронизирует эмир. – А это еще что такое? – останавливается он перед красным ромбом – неожиданную вставку в черно-желтом орнаменте изразцового пола.
 - Для диссонанса! – говорит геомант.
 - Я-то подумал, что это намек на вторжение красных.

- Убрать! – говорит один придворный другому.
- Нет, – останавливает его эмир. – Оставить! Для... диссонанса

* * *

В одном из флигелей дворцового комплекса находится оранжерея, в которой по вечерам собираются представители полутора десятка посольств.

- Вы помните меня, господин комиссар? – спрашивает один из гостей.
- То-ва-рищ, нужно обращаться ко мне!
- Гусь, положим, свинье не товарищ, хотя мы состояли в одной с вами ложе, о чем теперь сожалею.
- Я помню великого князя, но после его расстрела, всякий, кто выступает от его имени, – самозванец.
- Как видите, я выжил.
- Вы для себя только выжили, а для истории – нет. Я, кстати, подписывал приговор. К сожалению, не исполнял: сейчас бы вы передо мной не стояли. Хотите вызвать меня на дуэль?
- С плебеями не стреляюсь.

* * *

– Ненавижу! – со злобой, выпучив глаза, говорит Шестиглазов в своем кабинете. – Всех ненавижу! Специальное упражнения, – поясняет он, заметив удивленное лицо адъютанта в зеркале, – для поддержания классовой ненависти в необходимой кондиции. Весьма полезное упражнение, особенно перед посещением двора эмира. Когда-нибудь такое упражнение назовут психотренингом. Э-мирр... мо-нар-р-рхия... феодалы... князья! Особливо – великие! Ненавижу! Больше всего ненавижу! – Входя в раж, он начинает разбивать вазы тростью. – Тело ко мне!

- Не понял: вам – труп? И кого?
- Я сказал, тело! Обычное женское, теплое тело – жи-во-е! Для удовлетворенья инстинкта.
- Где же я на ночь глядя...
- Вот именно – на ночь! У нас есть машинистка?
- Да, есть, но она замужем за нашим сотрудником...
- Приведите!

* * *

- Адъютант вталкивает в кабинет женщину в нижней рубашке.
- Вы знаете, что ваш муж шпион? – спрашивает Шестиглазов.
 - Уверю вас, он не шпион!
 - Может быть, вы вместе шпионите? Раздевайся! – тычет ей в спину пистолетом адъютант.
 - Я сделаю все, что вы скажете, – говорит она, стаскивая рубашку.
 - О чем это вы? – с возмущением спрашивает Шестиглазов. – Что вы себе вообразили? Я буду пытаться вас.
 - Не надо пытаться, я скажу все, что вы посчитаете нужным. Вы считаете мужа шпионом, я не догадывалась, но сейчас все поняла.
 - Этого недостаточно. Говори, говори...

* * *

«Борьба за влияние на эмира приобретает форму всеобщего увлечения Гармонией. Она становится поводом к соперничеству английского посла лорда Марлоу, Патриции Шарм, эмира и офицеров белогвардейского корпуса. Шестиглазов также вступает в борьбу за обладание Гармонией, что выражается в простом шлепанье по заду. „По привычке, – заявляет Шестиглазов в клубе. – Ничего не могу пропустить, не залапав“. В своей революционной деятельности комиссару приходится прибегать к посредникам. Итальянский посол Гвидо Венециано обещает ему содействие в его „освободительной миссии“, если тот поможет ему раздобыть драгоценную вазу, и он тайно проводит комиссара во дворец. Шестиглазов появляется в спальне Гармонии из потайного люка в полу, как злой дух, он срывает с нее одеяло и видит свою искаженную физиономию в зеркале, заранее подложенное ясновидцем».

* * *

– Шестиглазов ведет себя вызывающе дерзко, – докладывает начальник охраны эмиру.
– К сожалению, – отвернувшись к окну, отвечает эмир, – мы ничего с ним не можем поделать. Москва угрожает ввести войска в Бухару в случае непочтительного отношения к своему представителю. Кажется, он уже всех подкупил, кроме тебя, геоманта и...
– Офицеров белой гвардии.
– К сожалению, присутствие русских офицеров... верных мне... является главным камнем преткновения в переговорах с Москвой.

* * *

«Эмиру кажется, что он переиграет Шестиглазова с такой же легкостью, с какой обыгрывает его в карты и шахматы. Лорд Марлоу предостерегает эмира от „шахматной дружбы“ с послом опасного соседа. Он предлагает поставить английские танки вокруг Бухары...»

* * *

– Мы поставим вокруг Бухары полторы сотни танков, чтобы вас защитить.
– Боюсь, как бы мы навеки не остались под вашей защитой.
– Не лучше ли быть под опекой большевиков?
– Я отказываюсь заниматься политикой, пока Гармония не войдет в мои покои в неурочный час. Всего на час!

* * *

«Эмир все же склоняется к идее размещения танков. Шестиглазов, узнав о решении эмира, требует вывода белогвардейского корпуса из Бухары. В городе остается только один полк во главе с полковником Алексеевым».

* * *

- Если танки подойдут к Бухаре, – заявляет Шестиглазов, – мы будем расценивать это, как акт помощи белогвардейцам.
- Мы попросим уйти офицеров из города.
- Из страны, – с металлом в голосе говорит Шестиглазов, – хотели вы сказать!
- Я сказал то, что сказал, – теряет терпение эмир.
- Мы приблизим наши войска к границе ровно настолько, насколько английские танки подойдут к Бухаре.

* * *

- Что будет, – спрашивает адъютант Шестиглазова, выходя из дворца, – если танки войдут в город раньше прихода наших передовых частей?
- Сражение.
- Бойня будет, а не сражение. Не лучше ли избежать...
- Кровапролития? На какую-то сотню тысяч убитых, мы получим полсотни новеньких танков. К тому же у нас появится повод обвинить Англию в экспансии.
- Сотню тысяч!? Неужели нельзя избежать стольких жертв?
- Мы будем штурмовать их танки, пока у них не кончатся боеприпасы, и тогда возьмем их голыми руками.
- Но это ужасно!
- А ля герр ком а ля герр! Если французы так считают, то мы и подавно!

* * *

«Белогвардейский полк покидает Бухару. С уходом полка образуется опасный промежуток в двое суток до прибытия танков. Геомант предлагает устроить праздник, чтобы показать большевикам, что эмир не боится».

* * *

- Праздник... – рассеянно отвечает эмир, перебирая драгоценные камни на столе. — Праздник всегда хорошо.
- Деньги нужны...
- Деньги это пыль, – рассеянно говорит эмир, смотря на закат сквозь прозрачный кристалл.
- Кто мне их даст?
- Спросите у министра финансов, скажите, я повелел.
- М-да. Придется самому доставать.

* * *

– Покупаю у вас драгоценную вазу, – говорит итальянский посол геоманту, – с условием забрать ее, как только начнутся военные действия и всем будет не до вещей с чудотворными свойствами.

Он раскрывает саквояж и, набирая в ладони золотые монеты, высыпает на стол.

– Откуда у вас золотые червонцы? – спрашивает геомант. – Только один человек здесь располагает такими деньгами. Признайтесь, Шестиглазов заплатил вам за шпионаж?

– Знавал человека, – говорит итальянец, – который падал в обморок от лицемерия большого количества денег.

– Презренный металл! – поднимает геомант руки с прилипшими к ним монетами. – Деньги необходимы для устройства зрелища: миража в пустыне.

Он протягивает руки вперед, и монеты осыпаются на стол.

– Праздник, хм! Не лучше ли использовать деньги на подкуп тех же самых большевиков, чтобы они на пару дней отодвинули дату начала войны.

– Не лучше! Кроме того, большевики неподкупны.

– На самом деле... открою вам тайну... подкупать нужно английского генерала, вернее – перекупать. Большевики заплатили ему, чтобы он опоздал. Все подкупны: зависит от суммы.

– Праздник важнее.

– Разумеется. Ключ от сейфа, пожалуйста, – протягивает итальянец руку.

* * *

Между двумя рядами низкорослых гор раскинулась широкая долина с причудливым облаком вдали. Перед купоросно-синим озерцом стоит стол. Над пустынной долиной, похожей на сцену, возникают миражи. Время от времени в озерце появляются пузыри газа, и Шестиглазов надевает на лицо мокрую повязку, чтобы не поддаваться наркотическому воздействию. Геомант раздает раковины, чтобы все трубили в них, призывая чудо. Из глубины закатного облака появляются фантастические птицы и драконы, медленно проплывает над головами старинный замок.

– Нет, этого не может быть! – кричит Шестиглазов. – Это все надувное... я хотел сказать – надувательство. Впрочем, я понял! Дайте-ка мне ружье, и я спущу ваше чудо на землю!

По приказу эмира приносятся ружья, и все начинают палить в небо, но безрезультатно – патроны оказываются холостыми.

* * *

«Сквозь сонмище беснующихся нищих Гармонию в полупрозрачном платье проносят в стеклянном портшезе по городу, словно в батисфере среди глубоководных рыб. Шестиглазов пытается поднять народ на восстание, но терпит неудачу. Разъяренная толпа несется по узкой улице. Неожиданно раскрываются двери, и перед народом появляется эмир. Толпа падает на землю, те, кто впереди, подползают к эмиру по очереди, целуют его туфли и отползают в сторону. Шестиглазов смотрит с балкона своей резиденции в бинокль. Он фыркает и поднимает трубку: „Можете вводить войска в Бухару... – и кладет трубку, – безо всякого повода!“ – добавляет он на вопросительный взгляд адъютанта».

* * *

– Покажите мне что-нибудь, – говорит эмир, – чтобы я успокоился. Что-нибудь умиротворяющее.

Геомант включает кинопроектор, и на стене появляется изображение. Гармония сбегает вниз по лестнице, не замечая, что из расстегнувшейся блузки то и дело выскакивает ее ничем не стесненная грудь. Она сбегает вниз, затем, оказывается наверху, вновь сбегает вниз...

Сидящий спиной к экрану эмир берет за руку Патрицию:

– Милая Патриция, почему никто не любит меня? Я самый несчастный человек на свете. Меня, получившего европейское образование, проведшего большую часть жизни в Петербурге, принуждают управлять чуждым мне народом, язык которого мне пришлось выучивать, как иностранный! Судебная система вверенного мне государства столь варварская, что включает лишь два способа решения проблемы: провинившемуся рубят голову или осыпают золотом. Я, пожалуй, выбрал бы роль короля в изгнании, благо все золото переведено в Швейцарские банки, чем ждать пока тебя убьют родственники или свергнут большевики и придется бежать в самый последний момент, чтобы не потерять лица, что опасно и неприятно. Если эмир не всемогущ на своей земле, то, кто же тогда? К тому же я несчастен в любви.

– В вашем распоряжении лучший гарем на востоке.

– Именно из-за него я и несчастен, – разводит он руками, изображая на лице все тяготы жизни. – Для меня любая красотка из кабаре привлекательней всех красавиц востока! Я им счет уже потерял, а мне их все дарят и дарят, как будто ничего лучшего найти для подарка не могут! Из-за все той же потери лица я не могу позволить им изменять мне. На следующий же день за оправданье изменницы, что считается слабостью здесь, меня свергнут родственники. Вокруг столько блюстителей нравственности! Осведомители так и роют паркет копытами, чтобы выслужиться. – Эмир замолкает, уставившись на экран. – Дорогая Патриция, вы хотя бы могли быть со мною добры?

– Ваше величество, я могу как-нибудь заглянуть на часок к вам.

– О, Гармония! – встает эмир и возводит руки к небу. – В черных чулках, – останавливается он у двери, – и красных подвязках, как в кабаре.

* * *

Похожие на узоры орнамента извивы барханов, редкие саксаулы, раскрашенные шары перекаати-поле.

Лимузин подъезжают к оазису, останавливаются перед узорными воротами запущенной виллы.

– Прежде чем войти в этот дом, – говорит Кирсанов, обращаясь к Гармонии, – я должен предупредить тебя, милая Гармония, чтобы ты ничему не удивлялась и сделала все, что попросят. В этом доме – наше спасение!

– Спасение?

– Не сегодня-завтра в Бухару войдут большевики, и нам понадобятся деньги не только на продолжение фильма, но и спасение жизни. Здесь проживает крепостная актриса, ей, кажется, больше ста лет, но она все еще верит, в обретение счастье. Существует поверье, если на ее ковре проливается кровь, то счастье обеспечено на сто лет вперед. Местные жители почитают ее за святую. Они все освещают, что выходит за рамки их воззрений на жизнь. Если мы угодим хозяйке дома, мы получим деньги на фильм и отъезд...

* * *

В зале, заставленной антиквариатом, на некоем подобии трона восседает старуха. Над ней из стены вытягивает шею и крылья изразцовый орел с циферблатом в когтях.

– Явился, мерзавец, – восклицает она. – Где пропал, признавайся?

Кирсанов разводит руками:

– То там, то сям...

– Обманщик!

– Да, – кивает Гармония, – он известный обманщик, но как умудрился он вас обмануть?

– В году эдак двенадцатом, кажется, когда Ирод город спалил.

– Что за Ирод, мадам? – спрашивает Гармония.

– Ну, как же, Ирод, как его, а, Буонопарте! Мне в сей год как раз тринадцать годков исполнилось, и была я актрисой у барина нашего. Когда наш дом загорелся, я стала кричать. С улицы входит гусар. Поднял меня и понес, а потом передумал, вернулся к дивану, обесчестил, а потом уже спас. Я его полюбила навек, а ты только сегодня вернулся. Поздно, однако, я мужчин разлюбила за то. Я велю Луизе негодяя убить, а потом оживить, чтобы снова убить!

– Разве так можно? – спрашивает Гармония.

– Можно, – заявляет служанка.

– Об-манщик, прохвост, негодяй! Слов не хватает! Да, что говорить тут? У-бей негодяя, Луиза, – обращается она к служанке и тычет пальцем в сторону Кирсанова, – у-бей!

Позевывающая молодая служанка с роскошным телом, потряхивая пышной, ничем не стесненной грудью под блузкой, несколько раз втыкает кинжал в спину Кирсанова. Он падает на белый ковер с яркими красными узорами и черным квадратом, вплетенном в орнамент.

– Ах, – восклицает Гармония, в ужасе выставив перед собой руки с растопыренными пальцами, как если бы ее сейчас тоже должны поразить кинжалом. – Мне плохо, – едва произносит она и сползает по стене с картиной: обнаженная с надкушенным яблоком с изумлением выслушивающей то, что ей нашептывает Мефистофель.

– Ладно, – заявляет хозяйка, – можешь теперь его оживить.

Служанка брызгает на расprostертое тело водой. Кирсанов встает, как ни в чем не бывало. Ухмыляющаяся служанка несколько раз втыкает бутафорский кинжал с уходящим в рукоятку лезвием себе в ладонь.

– Убивать еще раз мы его больше не будем, раз вам его жалко, барышня, а накажем примерно, как встарь. На ковер! – указывает старуха рукой на Кирсанова. – Вы, барышня, посечете его.

– Я!?! – изумляется Гармония. – Но...

– Никаких возражений не принимаю. Луиза, розги! А, уже принесла, молодец.

– Ну, почему я? – пытается протестовать Гармония. – Почему не Патриция? Она справится лучше меня. Во всяком случае, ей это нравится.

– Действительно, у меня лучше получится.

– Я сказала, э-та барышня! – тычет старуха пальцем в сторону Гармонии.

– Дорогая Гармония, – убеждает ее Кирсанов, – если ты не согласишься, мы уедем ни с чем.

– Ну, держись!

Луиза и Патриция стоят по бокам кресла. Слышен свист розги.

– Так его, так его! – подбадривает Гармонию сидящая в кресле старуха. Кажется, что орел вот-вот взмахнет крыльями и вырвется из барельефа на стене.

Наконец, вырывается и летит над песками.

* * *

Лимузин едут по пустыни. Над ними низко парит орел. Кирсанов достает из сумочки Гармонии браунинг и наставляет на него. Тот отлетает в сторону, но не отстает.

– И сколько денег мы выручи, – спрашивает Гармония, – за эту отвратительную сцену?

– Неужели ты не понимаешь, – смеется Патриция, – спектакль заранее был подготовлен для развлечения нашего гения.

– Для развлечения?! Какие могут быть развлечения, когда большевики вот-вот захватят Бухару?

– Уже захватывают, – подтверждает Кирсанов. – Слышите выстрелы? Бухара обречена. Мы уже не вернемся туда.

– Возможно, ваше последнее представление переполнило чашу терпенья небес.

– Зато у нас будет везенье и счастье.

– Каким унижениям завтра готов ты подвергнуть меня?

– Позволь, дорога, позволь: не я ли был в унижительном положении, а ты – в возвышенном?

– Какой же ты негодяй!

– Я? Я – нет! Пока, правда, я исполняю роль негодяя, а завтра, возможно, стану другим, оставаясь при этом собой. Я ведь живу несколькими жизнями одновременно.

– Одной из них сейчас ты лишишься! – говорит Гармония и направляет на него браунинг.

Кирсанов разводит руками, изображая на лице покорность судьбе. Некоторое время Гармония держит пистолет у лба, а затем стреляет в воздух.

* * *

«Сквозь иллюминатор на полу кабины английского дирижабля эмир смотрит на украденную у него страну. Далеко внизу – игрушечные домики Бухары. С башни броневика Шестиглазов с упоением расстреливает из пулемета карнавальных чудовищ. Объятые пламенем надувные драконы мечутся, словно живые, сея панику в рядах наступающих красноармейцев, на голову которых опускаются еще и парящие в небе воздушные змеи. Английские танки выползают на пригорок и останавливаются. Из люка вылезает английский офицер и смотрит в бинокль на объятый пламенем город. Наконец, он машет рукой: танки разворачиваются и, оставляя тучу пыли, уходят. Победители в долгополых шинелях запутались в расшитых бисером вуалях ширм и занавесок гарема, словно серые птицы в сетях. Геомант надевает усыпанное бриллиантами облачение эмира и садится на трон. Он берет с подноса жемчужные ожерелья, расстегивает их и сыплет жемчуг на ладонь. Жемчужины с треском рассыпаются по мозаичному полу. Малолетняя наложница выскальзывает из корзины с цветами, усаживается к нему на колени и засыпает. Он прикладывает палец ко рту, когда штурмовики Шестиглазова врываются в тронный зал. Они закалывают новоявленного эмира сквозь обнаженное тело наложницы штыками».

* * *

Гармония и Патриция бредут по пустыне в шикарном вечернем платье. Итальянский посол в разодранном узбекском халате покидает Бухару. Он достает из саквояжа вазу – полюбоваться. Раздается выстрел. Гвидо падает. Ваза остается висеть в воздухе. Гармония просыпается, под ней карта. Над ней висит ваза. Она протягивает к ней руку, но коварный фетиш улетает. Рядом – корявый саксаул инкрустирован драгоценными камнями, сверкающими на солнце, с веток свисают бусы. Она выпускает на карту жука. Увеличиваясь в размере, жук превращается в черепаху, инкрустированную драгоценными камнями. Гармония идет по пустыне вслед за черепахой, оборачивается: карта улетает с порывом ветра вдаль. Ее обгоняют несколько раскрашенных шаров перекасти-поле с крохотными колокольчиками. Старик в рваном узбекском халате с кряхтением тащит скалу на плечах. Он останавливается перед героиней, сбрасывает непосильную ношу – земля вздрагивает от удара. Старик, указывая на скалу, что-то говорит на своем языке.

– Брось монету! – раздается голос с небес.

Гармония достает монету и бросает в маленькую щелку, на которую указывает старик. Скала расщепляется на две половины. Акробатка в кружевном трико извивается змеей на красном шелке внутри. Она берет Гармонию за руку и тянет к себе.

– Не сопротивляйся, иди к ней! – вновь раздаётся голос с небес.

– Я боюсь.

– Ну, хорошо, отпусти ее, – вещает голос.

Акробатка отпускает руку и скала захлопывается. Гармония сбрасывает туфли и бежит по пустыне, ее обгоняет корзина низко висящего воздушного шара, объётого сполохами пламени, которые при ближайшем рассмотрении оказываются пурпурными флажками. Патриция подает ей руку и помогает залезть в корзину.

Всадники в полосатых халатах уже в двух шагах от корзины, и дамы бросают в них гранаты. В руках Гармонии оказывается английский дисковой пулемет с обрезанным дулом. Ее спасительница указывает направление, Гармония стреляет в упор, но всадникам не причиняет вреда. Дамы пускают деньги по ветру, и всадники отстают.

* * *

Пролетая над морем, шар начинает терять высоту. Появляется воздушная змея, они кружатся вокруг шара, улетают и вновь возвращаются. Гармония в истерике стреляет ей вслед из браунинга. Дно корзины касается воды. Гармония вздрагивает и закрывает глаза. Шар начинает набирать высоту.

* * *

– Где, где – озирается Гармония по сторонам, – я оказалась?

– Во дворце у эмира на Капри, – говорит молодой человек во фраке.

– А вы кто?

– Мы – эмиры бухарские, – указывает он на таких же фрачников с восточными лицами. –

Живем здесь в Швейцарии к нашим вкладам поближе, а здесь отдыхаем.

– Что-то вас много.

– Мы все наследники, следим друг за другом.

– Но как я здесь оказалась?

– Вы увлеклись так игрой, что...

– Меня усыпили и...

– Не усыпили, а загипнотизировали.

– Час от часу не легче. Что же случилось со мной после того, как...

– Вы очнулись от сна? Вы оказались во дворце у эмира на Капри.

– Все возвращается на круги своя, – добавляет другой придворный.

– Что же все эти круги или дни...

– Вы спали в хрустальном гробу, как и полагается спящей красавице, а мы вас обожали.

Целомудренно, заметьте.

– Представляю ваше целомудрие. Ну вот, закончились съемки, все позади, одного не могу понять...

– Вам не нужно ничего понимать: исполняйте и все!

* * *

На верхней площадке круглой башни, опираясь на зубцы руками в черных перчатках с блестками, стоит Гармония Брамс. Согнутая в колене нога опирается на перемычку между зубцами. Патриция Шарм указывает на что-то вдаль. Физиономия сатира ехидно ухмыляется в изразцовом барельефе под зубцами.

Шарм шара

«В конце войны я летал с английским генералом из Афганистана в Бухару. Генерал предлагал ввести английские войска для защиты от большевиков, но эмир отказался, хотя и встретил нас, как королевских особ. Я использовал опыт пребывания в Бухаре в гостях у эмира Бухарского, чтобы снять „Нечаянные чары“. Фильм снимался на деньги барона фон Мерц. Бучи мастером ложи Кинжала и Розы, барон оказался хранителем философского камня, отвечающим за передачу артефакта от одного члена ложи к другому. Время от времени скрижаль возвращается к нему, и с ее помощью он творит чудеса. Поскольку Шестиглазов постоянно крутится на лимузине вокруг дворца барона на Капри, где идут съемки, Фон Мерц предлагает пригласить его ко двору в качестве постоянного представителя Совдепии, с которым можно вести бесконечные переговоры, что является неумной страстью комиссара, и держать тем самым его в поле зрения».

* * *

За обеденным столом барон опускает хрустальный шарик в бокал с вином. Под его пристальным взглядом из бокала выплывает колеблющийся золотистый шар, повисающий в воздухе сверкающим кристаллом. Шар начинает вращаться, рассыпая искры во все стороны. В глубине светящегося облака, постепенно заполняющего зал, возникали конторы оранжереи, разрывая усыпанную росой паутину, вспархивала сирена.

* * *

«Не понимая, что шар является лишь феноменом сознания, Шестиглазов предпринимает попытки похищения бесценного раритета. Вопреки здравому смыслу и мировоззрению, он пытается вступить в контакт с возникающими образами. В разросшемся до размера человека шаре сидит японская кукла и качает головой. В руке у него рождаются сверкающие колибри, они снимаются с ладони и разлетаются по комнате».

* * *

– Эй, как там тебя, – обращается Шестиглазов к видению, – я буду говорить, а ты знаками показывай, что правильно, а что нет. Кыш, чертовы курицы, – отмахивается он от взлетающих колибри. – Где золото Колчака, в Сибири? В Японии? В Америке? Где тогда? Может, в Европе? Где конкретно? Тьфу ты, исчез!

* * *

«Не добившись вразумительного ответа, он прячет магическую штучковину в сейф, открывает через минуту – сейф пуст. Риска получить пулю в лоб, комиссар стреляет из маузера в стальное нутро, пока не заканчиваются патроны, захлопывает сейф и плюет в рожу сатира в орнаменте двери. Он никак не может понять, почему шар, который он только что держал на ладони, ощущая всю его тяжесть, исчезает через пару минут. Поиски магической штучковины занимают все время и деньги комиссара. Он начинает терять ориентиры и вскоре оказывается в психиатрической клинике. Разбуженная бароном метаэнергия вызывает в сюжете

необратимые процессы, не только Шестиглазов, но и никто уже не может понять, где сон, где явь, а где кино...»

Волшебная гора

«О ритуалах, магии, двойниках и философском камне. Поскольку изумруд, проглоченный мною в юности, стал рассасываться, Фон Мерц провел инициацию с пересадкой философского камня из головы князя в мою. Камень, однако, имел обыкновение перебираться из одной головы в другую, и фон Мерц передал его следующему любителю власти и ощущений неземного характера. Ощущения, впрочем, остались. Он же свел меня с Герингом, и все последующие годы я провел в его резиденции. Под покровительством рейхсканцлера – большого любителя искусства – снял полторы сотни фрагментов и фильмов».

* * *

Бронзовая сирена шевелит крыльями на пьедестале. По аллее кладбища сомнамбулической походкой движется статуя Командора.

– Ну, а мне что нужно делать? – спрашивает корреспондент.

– Будете изображать дон Гуана, – говорит из-за камеры Кирсанов. – Дайте ему шпагу.

– Я пришел взять у вас интервью, а попал...

– В гуано.

– Не понял.

– Берите шпагу и защищайтесь.

– Мне не нужна шпага? Не знаю даже, как с ней обращаться. Я критик, а не дуэлянт.

– Это заметно. Против Командора она бесполезна.

– Смотрите, ваш истукан рассыпается на ходу. Так и должно быть или это съемочный брак? Послушайте, он ко мне приближается. Что нужно делать?

– Когда подойдет поближе, нажмите ему руку.

– Надеюсь, это не опасно?

От рукопожатия идол окончательно рассыпается, и открывается женщина в кирасе. Она сбрасывает с себя кирасу, представая обнаженной, вынимает шпагу из ножен и начинает наступать на корреспондента. В ритме ее выпадов колеблется грудь. Отступая, корреспондент падает на кровать, стоящую на аллее.

– Помилуйте, откуда на кладбище оказалась кровать? Это неправдоподобно!

– Действительно, – спрашивает Кирсанов, – откуда взялась здесь кровать? Должно быть, ее сюда принесли.

– Так не бывает!

– А как бывает?

– Ну, я не знаю...

Она приставляет к его груди шпагу и замирает.

– Снято! – объявляет Кирсанов. – Говорите теперь, что вы хотели сказать.

– Я хотел расспросить вас о концепции вашего фильма.

– У меня нет никаких концепций.

– Я не понимаю, как можно снимать без концепции. В чем смысл сего нелепейшего эпизода, да и предыдущего – тоже?

– Понятия не имею, – говорит Кирсанов, с бокалом шампанского поднимаясь с могильной плиты. – Я просто снимаю – и все.

– Но это упадничество, сюрреализм и декадентство!

– Вот именно, – подтверждает Кирсанов, ставит бокал на крышу роллс-ройса и уезжает. Корреспондент застывает в недоумения с широко разведенными в стороны руками.

* * *

По извилистой дороге среди сосен и скал движется роллс-ройс к замку вдали. На заднем сидении Шарм и Кирсанов.

– Куда мы направляемся? – спрашивает Гармония.

– На вершину, – указывает Кирсанов, – на вершину власти. В замок Регенсбург.

– Волшебная гора, – говорит шофер, указывая рукой, – все, кто на нее ступают, сходит с ума.

– И мы сойдем, – спрашивает Гармония, – или уже сошли?

– Мы въедем в замок, не касаясь горы. К тому же это поверье: хотите верьте, хотите – нет. Я, конечно, не верю, однако на всякий случай не касаюсь земли.

Кирсанов раскрывает дверь и хватает камень на ходу.

– С ума сошли! – орет шофер.

– Поверье осуществилось и теперь я могу делать все, что захочу.

– Ты и так все делаешь по-своему.

– Я предпочитаю, чтобы меня завоевывали. Только нормальные вечно чего-то завоевывают, сумасшедшие ждут даров, приносимых к ногам.

– Ох, и гиблое это место, – говорит шофер. – Декадентское.

* * *

– Что вы тут делаете? – спрашивает журналист, который располагается в клетке, свисающей с потолка на цепи в холле с гостями.

– Уместней спросить у вас, – усмехается Кирсанов, – чем занимаетесь вы?

– После избрания фюрера, я вышел из компартии, но не сразу подал заявление о вступлении в нацистскую. Опоздал на несколько дней. Теперь вот таким образом избавляюсь от позорного прошлого. Нечто вроде епитимьи. А чем вы здесь занимаетесь?

– Я пришел снять кальку с реальности, чтобы создать очередной шедевр. Как вы знаете, я создаю для ведомства Геринга закрытые фильмы, магическим образом воздействующие на действительность.

– Да? Вы все время снимаете, но где ваши фильмы?

– Народ мои фильмы не видит, да это ему и не нужно. Он, народ, – поясняет Кирсанов, оборачиваясь к Гармонии, – никогда ничего не понимал. Да это и к лучшему. Народ всегда неправ, как утверждает Платон.

– Я, конечно, не верю, в эту вашу магию, но раз сам Геринг так считает...

– Считает, считает! Кстати, это я предложил ему посадить вас в клетку для участия в инициации. Вас радует, что вы принимаете участие в инициации?

– А что остается делать? К тому же мне платят за это.

– Все довольны, как я погляжу.

– Какой же ты все-таки циник! – восклицает молчащая до сих пор Гармония.

– Отнюдь! Я – созерцатель всего лишь и... иносказатель.

– Инициатор, к тому же, – отмечает журналист.

– Устами заключенного в клетку глаголет истина! Смотрите лучше на экран...

Конец золотого века

Из дверей замка выходят элегантно одетые люди. Хозяйка дома муж закрывает двери и слегка толкает рукой: дом снимается с фундамента и начинает скользить в полуметре над поляной. Гости останавливаются, каждый у своей машины, и молча смотрят, как замок уплывает в туман. Наконец, раздаются звуки хлопяющихся дверей, и все уезжают. Замок медленно летит через поляну с пирующими обывателями. Кое-кто в мундирах штурмовиков. Обыватели с неохотой расступаются и бросают в пролетающую диковину бутылки и пивные кружки.

Двери и окна в замке хлопают, плещется вино в забытых на ковре бокалах, звенят подвески хрустальной люстры, тарелки с яствами ерзают по лакированному столу, покачивается шпага, воткнутая в пол. То тут, то там разбросанное женское белье наполняется телесными формами, кои, обретая лица на мгновение, осматриваются вокруг непонимающими взорами и вновь исчезают. Рыцарские доспехи падают со стены и рассыпаются по полу.

Обитатели замка оставляют свои машины и, толкая глобус перед собой, шеренгой идут к морю. Они подводят глобус к обрыву, сталкивают в море и со вниманием следят, как он падает. Как только глобус касается поверхности воды, они поздравляют друг друга и с чувством выполненного долга аплодируют, затем все целуются и, взявшись за руки, прыгают вниз. Нестройная шеренга парит вдоль скалы с барельефным изображением замшелого Посейдона и погружается в воду. Волны бьют глобус и тела о скалу. Над обрывом стоящая фигура наяды из позеленевшей бронзы протягивает руку в сторону заходящего солнца. Металлические шарики с мелодичным позвякиванием сталкиваясь друг с другом, танцуют на пустой поляне.

Шарада

«Таких фрагментов я наснимал великое множество, теперь не знаю, что с ними делать. После просмотров в замке Геринга фильмы подвергались сжиганию в камине, не из опасения цензурных запретов, на что имелись основания, а более для того, чтобы другим не достались. Я был на хорошем счету у Геринга. Если с ним что-то случится, в гестапо меня обещали последовательно четвертовать, повесить и расстрелять, предварительно отравив медленно действующим ядом».

«Надеюсь, они шутили».

«Вот и я на это надеюсь. Вызывает однажды Геринг своего помощника и спрашивает обо мне. Он потом мне все рассказал...»

* * *

– Вы что-нибудь слышали о метемпсихозе? – спрашивает Геринг, сидя в кресле за столом в своем кабинете.

– Переселении душ? Я человек практичный, но если вы пожелаете...

– Да-да, пожелаю. Это не совсем традиционная теория о переселении душ, а нечто новое, чего еще не было в науке.

– Если это можно назвать наукой.

– Берем заведомо ложную идею и ведем себя так, как если бы она была верная, – Геринг останавливается с поднятым вверх пальцем и некоторое время молчит, – и...

– И? – напоминает его собеседник о своем существовании.

– И... – как бы просыпается Геринг, – ведем себя в соответствии с принятым постулатом. Через некоторое время появляются практические результаты от, казалось бы, заведомо ложной идеи. Есть такой человек, некто Кирсанов. Что вы о нем знаете?

– Говорят, он ваш протеже.

– Проследите за ним, не скрывает ли он чего-нибудь от меня. Он снимает художественные фильмы магического характера.

– Имеются практические результаты?

– Если следовать его логике... он, конечно, болтун... но кое-что в его методе есть. Даже и не знаю, как обозначить вашу миссию в его съемочной группе. Разгадайте, что он за шарада. Определите опытным глазом человека практичного и умудренного, где он врет, а где по-настоящему пророчествует. Кое-что из его пророчеств исполнилось. Он утверждает, что, живет тремя жизнями одновременно, двумя из которых в будущем. На чем мы там остановились? Ах, да, на шараде, на ребусе! Я коллекционирую затейливые предметы магического свойства. В народном хозяйстве фетишам этим затейливым примененья пока не находится, но в будущем ожидаем переворота в науке. Вот китайская ваза, составленная из тысячи и одного кусочка. Сколько раз разбирали, столько же при последующей сборке появлялось изображений осмысленных – пейзажей или узоров. Ни одного одинакового. Что вы на это скажете?

– Должно быть, имеется какое-то определенное количество комбинаций.

– Ни разу еще не повторилось. Ну, да ладно. Проследите за ним, но в съемки не вмешивайтесь, чтобы он ни снимал.

* * *

«Не буду пересказывать сюжеты всех фильмов, которые я снимал в Каринхалле для Геринга, ибо им несть числа. К тому времени я уже присмотрел для себя другую актрису Анну Карабасову. К сожалению, она оказалось такой же строптивой. Я отобрал ее из тысячи женщин, которые явились на кастинг...»

* * *

Черeda женщин поднимаются по лестнице. Входя в комнату, очередная претендентка расстегивает ворот платья и, зажмурив глаза, терпит ощупывания.

– Свины, свиньи! Какие же вы все свиньи! – восклицает Анна уже уходя, срывает с себя жемчужное ожерелья и швыряет горсть бусин в Кирсанова.

– Снимайте ее, идиоты, снимайте! Вот это ее сущность! Смотрите, как она радуется! Ну ладно, это все сантименты. По местам, господа! Снимаем дальше, снимаем...

Шехерезада

«Я пригласил вас в замок, господа, – объявляет генерал фон Мерц, восседающий во главе стола, – чтобы провести с вами сто двадцать дней. Возможно, война закончится уже через несколько дней. Никто, однако, не знает о том, что мы здесь. Вход через тоннель на ту сторону горы сейчас будет взорван. Здесь уже не Германия, но еще и не Швейцария. Мы нигде, господа! Сейчас мои сотрудники привезут последних исполнителей, и мы начнем представление. В чем, вы спросите, цель нашего совместного пребывания? Вы будете рассказывать, а я оценивать ваши рассказы. Если очередной рассказ мне понравится – вы будете вознаграждены, если нет – наказаны. Вы – моя Шехерезада, господа. А вот и давно ожидаемые гости. Садитесь, мадам, и вы, герр режиссер. Познакомьтесь, господа, – обращается генерал к гостям, сидящим за столом, – перед вами всеми нами любимая актриса Анна Карабасофф и наш друг режиссер Кирсано... Ахмед. Поправьте меня, если ошибся».

«Аламед», – поправляет его Кирсанов.

«Я пошутил, намекая на его славянское происхождение. Мы с ним познакомились в Каренхалле на премьере его фильма „Боги... э... жажнут“. Вот именно, жажнут, что годится для эпитафии... опять пошутил... посвящения, разумеется. Чтобы вы окончательно уяснили, что происходит, послушайте нашего гостеприимного хозяина».

«Как вам известно, замок стоит на склоне горы на границе между Швейцарией и Германией. От взрыва упавшего на гору самолета каменная плита, на которой стоял замок, сползла вниз по склону, и мы оказались во владениях барона фон Мерца – генерала СС, иезуита, мастера ложи Сияющих Братьев, а также Кинжала и Розы, ученика Кроули...»

«Гурджиева и прочая, и прочая...»

«Обнаружилось множество скрытых нитей, которые связывают присутствующих посредством членства в различных ложах, орденах и сообществах. Мы с генералом предлагаем считать происходящее инициацией. Наша цель – привлечение людей противоположных взглядов к участию в деле создания общества, залогом единства которого станет круговая порука участников».

– Чтобы вы не подумали о том, что я исключаю себя из процесса, расскажу увлекательную историю. Полковник СС получивший столь высокое звание в возрасте двадцати восьми лет, а в житейском плане оставшийся на уровне юноши, заставши как-то свою жену... на восемь лет моложе его, но несравненно более опытную... со своим адъютантом в интимной позе, застрелил их обоих. Он уже приставил горячий ствол к виску, но, взглянув в зеркало, передумал и отправился в замок своего начальника. Выслушав горькую исповедь подчиненного, генерал усмехнулся и, будучи старше его по званию и житейскому опыту, посоветовал прежде всего успокоиться и отправиться на охоту, чем подчеркнул незначительность происшедшего события. Не теряя время на бессмысленную в данном случае стрельбу в кабанов, они залезли на дуб, выгнав какую-то птицу из гнезда, и генерал предложил взглянуть на замок в бинокль. Полковник взглянул и обомлел. Жена генерала в шляпе с вуалью и более ни в чем, опираясь руками о подоконник, принимала ласки от... как вы думаете, от кого?

– От слуги.

– От моего адъютанта. Если стрелять всех неверных жен, заявил генерал, то земля через год опустеет безо всякой войны, а посему ничего другого не остается, как ответить им тем же. Памятуя о том, что генерал обещал замять скандальное дело, полковник вынужден был подчиниться вожделению своего командира. Взглянув напоследок в сторону замка, он замер от удивления, ибо замок предстал перед ним, как бы сотворенным из дыма, а дым, сохраняя детали украшения фасада, поднялся в воздух и рассеялся. Полковник очнулся от боли, которую причиняли ему два впившихся в ребра сучка, которые на самом деле оказались крюками, на коих

он был подвешен в подвале гестапо за участие в заговоре Штауфенберга против фюрера, поскольку так и не смог сделать вывод из наставления.

– Не с вами ли, – спрашивает один из гостей, – происходила сия... э... увлекательная история?

– Не имеет значения с кем. Главное, чтобы история была интересная и... познавательная.

Желательно, чтобы ваши рассказы составляли цепочку перетекающих значений, которые приведут нас к намеченной цели. Вы рассказывайте, а герр Кирсано будет гипнотизировать вас... он это умеет... и у вас возникнут видения. Вы увидите все, как в кино. Начнем с вас, – обращается он к одному из гостей. – Расскажите что-нибудь о себе».

«Н-не... знаю, что рассказать», – разводит руками гость в недоумении.

«Расскажите случай из жизни».

«Случай!? – изумляется гость. – Не было никакого случая».

«Вы что же, не жили? Чем занимались вчера?»

«Были в театре, а потом вернулись домой».

«Были гости у вас или вы, может, были в гостях?»

«Да, гости были».

«Расскажите, чем занимались».

«Ничем».

«Говори, говори, говори, идиот, – вскакивает со своего места сосед по столу, – говори, что случилось!»

Человек разводит руками в недоумении, а затем начинает рассказывать:

«Собрались мы все за столом, как всегда... справа жена, – слева – любовница...»

* * *

– Послушайте, – говорит один из гостей хозяину дома, – что это ваш слуга так небрежно обслуживает нас?

– Он служит бесплатно.

– Бесплатно?!

– Влюблен в мою жену, представляете? Платонически, разумеется... и вот прислуживает, однако превышает свои полномочия. Замолкаю, уже замолкаю...

Рука хозяина дома ложится на колено любовницы. Проходя мимо, мажордом дает ей подзатыльник.

– Помилуйте, – говорит тот же гость, – он уже нас избивает!

– Не обращайтесь внимания – это его студентка. Он – профессор университета. Знает языки всех народов земли. Полиглот, представляете?

Сидящий среди гостей немецкий офицер настолько пьян, что не может сказать ни слова, а только поводит рукой перед собой.

– Что он все время бормочет? – спрашивает все тот же гость. – Переведите нам, пожалуйста, мсье, раз вы полиглот.

– Курт, – вторит мажордом жестам немецкого офицера, как бы переписывая их, – зовет он... далее следуют нецензурные выражения. Короче, господа, он просит денщика снять с него сапоги. Он считает, что кто-то из вас Курт.

– Ну, это уже слишком.

– Минуточку, – говорит мажордом, – кажется, еще кто-то явился без приглашения.

Вошедший японец в офицерской форме выхватывает саблю, делает несколько выпадов над головами собравшихся, так что им приходится пригибаться, затем вставляет саблю в ножны, произносит страстную речь. Хозяин кивает ему в знак согласия и поддакивает:

– Совершенно с вами согласен!

Японец подходит к статуе Венеры, распахивает веером полы накинутой на нее меховой шубы, стучит по мрамору, щелкают каблуками, раскланиваются и уходят.

– Кстати, – заявляет мажордом, – вы напрасно с ним соглашались. Он говорил, что ему понравилась статуя, но в следующий раз он обязательно выберет вашу жену. Ему показалось, что он в публичном доме. Сейчас его вызывают в посольство, но завтра он явится вновь.

* * *

«Чем закончилась ваша история?» – спрашивает фон Мерц.

«Ничем».

«Предлагаю, – говорит Кирсанов, – такое развитие событие: японец вернется, возьмет за руку жену и поведет ее в спальню, а муж схватит за другую руку, и они будут перетягивать ее на лестнице, словно канат».

– Замечательная концовка, – аплодирует генерал, – не правда ли? Вот видите, случай был, а вы попытались его скрыть от нас. Чем наши дамы порадуют нас? Вы, мадам?»

«Мадмуазель».

«Тем лучше».

«Меня зовут Концепция».

«Что за концепция?»

«Просто Концепция. Если сокращенно, то – Конци. Концепция До де Шанье-Ингресси. И этим все сказано».

«Отлично сказано, хотя и кратко. С таким именем и... фамилией можно, конечно, и кратко! Превосходное представление, хотя рассказ предпочтительней. Чем занимаетесь? Что умеете делать?»

«Обладаю способностью сбрасывать платье с такой быстротой, что вы не успеете ахнуть».

«О! В мгновение ока буквально. Как у вас получается?»

«Дернула за шнурок: перед вами – Венера во всей красе, потянула назад – прихожанка церкви Сент-Ив, готовая к исповеди. Небольшая заминка, кое-что не прикрылось, сейчас поправлю».

«Оставьте как есть, а мы полюбуемся. Учитесь, господа! Не только рассказала, но и про... демонстрировала! Кто следующий?»

«При дворе герцога N некий постоянно находящийся молодой человек неожиданно появился из-за портьеры, раздавал дюжину пощечин придворным... на глазах у его сиятельства, кстати... и скрывался за ту же портьеру».

«Шут, что ли, такое себе позволял?»

«Отнюдь – сумасшедший. Вы спросите, как же его сиятельство наглость такую терпел».

«Считайте, спросил».

«Это был принц».

«А, понятно! Полагаю, и вам от него доставалось».

«Отнюдь! Я еще не настолько безумен, чтобы пощечины самому себя наносить».

«Так вы, стало быть, принцем мните себя?»

«По вечерам».

«С вами все понятно. Кто следующий? Никого? Учтите: как только вы исчерпаете запас ваших историй, вам придется исполнять ритуалы нашего учителя и вдохновителя, – стучит он пальцем по фолианту с надписью на обложке „Сто двадцать дней в Санксаре“. – До тех пор, пока вы все не станете братьями, равными в преступлениях, в коих сознаетесь, а кому не довелось совершить, придется признаться в самом унижительном поступке в жизни, что является обязательным условием уже на второй ступени посвящения в ложу».

«Прошу прощения», – раздается голос.

«Прощаю».

«Я хотел сказать... о... спросить: а первая ступень, что из себя представляет?»

«Первая, хм... – задумывается генерал. – Первая, полагаю... а, вот: всяк, переступивший порог сего дома, прошел уже первую ступень. Сейчас наша любимая актриса расскажет что-нибудь о себе».

«Русские уже под Берлином. Вас будут судить».

«Не забегайте вперед, мадам. У нас в запасе еще сто двадцать дней. Здесь уже не Германия, но еще и не Швейцария. А-а, да, уже говорил. Рассказывайте, если хотите прожить до утра. В каком спектакле вы только что отыграли?»

«В одноактном спектакле „Каменный гость“, – подсказывает Кирсанов, – в моей интерпретации. Могу рассказать в двух словах финальную сцену, чтобы вы убедились в гениальности замысла. Анна во фраке ходит по сцене и обрезает нити. Статуи, висящие в воздухе, медленно взмывают вверх. Она застывает, вспоминая, что сказать. На сцену выходит человек в ирландском камзоле и треуголке с такой же книгой в руках».

* * *

– Гаснет свет, – подсказывает он. – Гул затих, я вышла на подмостки...

– Тяжелый плотный занавес у входа, – начинает Анна, – за ночным окном туман...

– Сотнями биноклями мерцая, сумрак смотрит на тебя... – читает по книге суфлер.

– Холодно и пусто в пышной спальне, слуги спят и ночь глуха. Донна Анна спит, скрестив на сердце руки, – складывает она руки на груди, изображая спящую, – донна Анна спит и видит сны. Чьи черты жестокие застыли, в зеркалах отражены? Анна, Анна, – заламывает она руки, – сладко ль спать в могиле? Сладко ль видеть неземные сны? Из страны блаженной, незнакомой, дальней слышно пенье петуха...

– Я ловлю в жестоком отголоске, что случится на моем веку, – добавляет суфлер.

– Что изменнику блаженства звуки, миги жизни сочтены.

– Я одна, все тонет в фарисействе... – подсказывает суфлер, приставляя ладонь ко рту.

Анна отмахивается от него и продолжает свое:

– Пролетает, брызнув в ночь огнями, черный, тихий, как сова, мотор. Тихими, тяжелыми шагами в дом ступает Командор...

– Зал пройти, не поле перейти!

– Жизнь пуста, безумна и бездонна! Настежь дверь. Из непомерной стужи, словно хриплый звон ночных часов – бой часов: «Ты звал меня на ужин, я пришел! А ты готов?» На вопрос жестокий нет ответа, нет ответа – тишина...

Анна стоит на сцене, оглядывается: никого за ней нет. Она стоит молча. Наконец, разводит руками. Раздается шквал аплодисментов. Раскланявшись, Анна уходит за кулисы.

– Что это?! – возмущается она. – В тексте написано одно, суфлер диктует другое. Сумбур происходит на сцене, а эти дураки аплодируют.

* * *

«Вот вам сюрреализм или нечто вроде того. Не вздумайте отказаться в следующий раз, Анна. В концлагере за подобную дерзость полагалось пятьдесят ударов резиновой палкой, после чего не все выживали. Поскольку мы находимся на переходе в свободный мир, палку можем заменить на более гуманный инструмент – хлыст, например, что не смертельно, но очень болезненно. В голом виде, заметьте. Мы попросим Концепцию выпороть вас, а если она не согласится, вы застрелите ее или она вас, ежели вы не согласитесь застрелить ее. Таким образом к окончанию инициации останутся только братья, залогом единства коих будет круго-

вая порука участников. Теперь самая унижительная история, когда-либо бывшая с вами. Начнем с вас, дорогая Анна, поскольку вы задолжали нам истуар. Рассказывайте, если не хотите, чтобы самой унижительной историей для вас стала публичная порка!»

«Хотите, – предлагает Кирсанов, – пока Анна будет вспоминать, я расскажу о преступлении, которое она совершила? Бойкий француз, стоя за Анной, направляет ее руку с пистолетом в сторону выходящего из кафе немецкого офицера...»

* * *

– Чуть левее, мадам, – говорит француз и начинает щупать ее. Она с недоумением смотрит на его руку. – Стреляйте, мадам, стреляйте!

Она несколько раз стреляет, но попадает в витрину. Офицер выхватывает из кобуры пистолет и палит во все стороны. Подпольщик, прячась за спиной Анны, несколько раз стреляет, однако промазывает. Когда немец начинает перезаряжать обойму, бросается к машине и уезжает. Офицер стреляет вслед уезжающей машине, но, увидев Анну, которая прижимается к фонарному столбу, восклицает:

– Мадам Караба! Я не верю глаза своим. Какой сюрприз! Я видеть все ваш роль, мадам! Это сон! Я тут отбирать наложник, нет, как это, а... вот – заложник. Я немного говорить по-русски, нихт по-французски. На меня тут напал партизан. Один я застрелить – они увез его на авто. Давайте я понес ваша сумка, мадам. Какой тяжелый дамский сумка.

– Должно быть, в ней пистолет, из которого я вас стрелять.

– О, какой вы остроумный, мадам. Вы уловить мой акцент, я проводить вас домой...

* * *

«Я снимал эпизод в прошлом году в Париже, когда уже шли бои на улицах с партизанами, что придало фильму достоверность».

«Достоверность того, чего не было?»

«Преступление совершено на ваших глазах, оно же и оправдано».

«Чем, позволю спросить?»

«Мнимостью. Не верь глазам своим».

«А также и ушам».

«Житейская логике здесь входит в противоречие с отсутствием оной в искусстве».

«Приемлемое объяснение. Теперь самое унижительное происшествие в вашей жизни, мадмуазель».

«Стою я, опираясь спиной на витрину магазина на Монмартре. В свете фонаря медленно идет снег. На мне только блузка и юбка. Передо мной останавливается мужчина в цилиндре и плаще а ля Макс Линдер и предлагает сигарету...»

* * *

– Мадмуазель, не хотите походить на поводке с полчаса? За ужин и сотню франков в придачу.

Анна закуривает от его зажигалки, затягивается и кивает в знак согласия. Он надевает ошейник.

– Какой мерзавец, – говорит она спокойным голосом.

– Вы обо мне? – спрашивает клиент.

– Нет, о том, кто все это придумал.

– Вы о Боге, мадмуазель? – осведомляется он вкрадчиво.

– Нет, о том, кто придумал.

– Соблазн должен войти в этот мир...

– Но горе тому...

– Кто сегодня не ел ничего.

Анна с ошейником иду по улице на поводке.

– Здравствуйте... здравствуйте, – раскланивается фрачник со знакомыми.

– Не кусается? – спрашивает дама, бесцеремонно поднимая пальцем Анну за подбородок. Она продолжает невозмутимо курить.

* * *

«И что?»

«Ничего: съемки фильма мерзавца Кирсанова».

«Да? Я уж подумал, вы подрабатывали таким образом в свое время. А почему мерзавца? Впрочем, понятно. Чем герр мерзавец нас позабавит?»

«Анна подходит к резным дверям с изображением какого-то страшного зверя с поднятой лапой, другая лапа – на щите...»

* * *

– Поцелуй его! – раздается голос и в ее спину упирается трость Кирсанова.

Анна подходит к зверю, приподымается на цыпочки и целует, кокетливо приподняв ногу: двери распахиваются. Он берет ее под руку и вводит в зал, заполненный людьми в карнавальных костюмах. Царственного вида старуха в сверкающем блестящими платье встречает их с распростертыми объятиями.

– Милая Анна, – говорит старуха, – мы давно уже ждем вас. Вы Кирсанов, не так ли?

– Он прибудет попозже, – говорит он и прикладывает палец к губам.

– Он прибудет попозже, – повторяет старуха, – прекрасно. Мы вас ждали два дня, подождем еще пару часов.

Все смотрят на них, но раздаются звуки фанфар. В зал входят герольды с трубами, слуги в камзолах вносят кресло, похожее на трон, с выступающей короной над спинкой. За ним следует человек в пышном карнавальном одеянии со скипетром, он бьет им трижды по полу и объявляет:

– Господа, это кресло, на котором Кирсанов должен был с нами сидеть на приеме сегодня. Увы! Мы не сможем увидеть его! Вместо себя он прислал этот трон. Придется довольствоваться лицемерием места, на котором в муках творчества родились его замыслы. Будем снисходительны к причудам гения – примем его таким, каков он есть.

На некоторое время воцаряется молчание, затем раздаются удары скипетра, герольды трубят в свои трубы и слуги уносят кресло. Раздаются аплодисменты, все поздравляют режиссера с удачной шуткой. Анна выходит с ним на террасу.

– В следующий раз твоя карьера закончится.

– Отнюдь, любезная Анна, отнюдь! Чем страннее, тем лучше – запомни! В свое время в России мой дядя придумал игру: найдет, бывало, человека с подходящей фамилией, – скажем, Малевич – и велит ему что-нибудь намалевать на холсте. Вечером предьявляет пачкотню на лицемерье гостям, восхищается шедевром, говорит о новом направлении в искусстве. Назавтра в газетах: сам Кирсанов ввел нового гения в свет! Попробуй возрази – заклюют! Дядя называл это «внедрением мовы» – то есть дурного вкуса, если не сказать ерунды. Именно он ввел Маяковского в общество – в мае! Был большим шутником! Нам дают деньги на фильм...

о твоём посещении России, кстати. Вот твоя доля, – протягивает Кирсанов ей пачку денег. – Ты должна провести с ним сегодняшний вечер. Иди! Ночь начинается...

Анна берет пачку и держит в поднятой руке.

– Что-то не так? – спрашивает режиссер.

Анна швыряет деньги за балкон. На мгновение открывается замок на отвесном склоне горы над озером.

– Мерзавец!

* * *

«Представьте зал со стеклянным куполом в виде пирамиды на вершине высотки. Перед камином сидит лысый толстый человек во фраке с эспаньолкой на лице. Он бросает в огонь пачку за пачкой из кучи денег, лежащих на ковре...»

* * *

– Подбрасываю горючее в топку паровоза Европы... – замуривается толстяк, как кот на солнцепеке, – и в мире происходят непредсказуемые изменения. Я виртуоз в своем деле, а вы?

– Моя фамилия Кирсанов.

– Мне о вас говорили. Вам нужны деньги на фильм?

– Да, на фильм «Европа с изнанки».

– Для чего нам смотреть на изнанку?

– Чтобы увидеть все в истинном свете.

– Нам, богатым людям, нужно видеть только то, что позволяет нам стать еще более богатыми.

– Вы и так богаты без меры.

– Это у бедности есть предел, а у богатства его нет. Что вы можете предложить в качестве компенсации за деньги, выброшенные на ветер?

– Я изобрел машину для заглядывания в прошлое. Хотите взглянуть?

– У меня нет необходимости заглядывать в прошлое. Прошлые мои борзописцы меняют по моему усмотрению, а будущее я сам создаю. Вот если бы вы показали живую сирену или нечто вроде того...

Кирсанов вынимает из шляпной коробки человеческую голову и кладу ее на стол.

– Меня зовут Орфей, – говорит голова.

– Какая разница, как тебя зовут, – заявляет банкир. – Как он языком ворочает при отсутствии теле?

– Посредством философского камня у него в голове. Орфей, расскажи что-нибудь или стихи прочитай.

Орфей закатывает глаза вверх и начинает декламировать:

– О, если бы у тела женского лишь нагота была, доступная для созерцания и формы, гармонии всех сочленений подчиненные, да гладкость кожи, нежность и упругость, пригодная для осязаний, но не было бы плоти, болезнями подверженной и тленью, и стонами лишь выражали восхищение, и не было бы мненья своего! О, если б было так...

– Ему-то зачем, – спрашивает банкир, – ни рук, ни ног не имеет, не говоря уже обо всем остальном, а все туда же!?

– Поэзия не имеет практического применения, – поясняет Кирсанов.

– Покупаю, – объявляет банкир.

– Я не продаюсь, – заявляет голова.

– Все-е продается, – машет рукой банкир, – все... Вот вам чек на сто тысяч фунтов стерлингов. Положите фетиш в стеклянную колбу, там, на столе перед зеркалом. Будет лежать под стеклом и гостей потешать россказнями.

– За чудо всего лишь сто тысяч? Вы – шутник, господин банкир.

– Фокусники! – восклицает банкир. – Мое состояние, вот настоящее чудо! Вы властелин мира иллюзий, а я вот этого мира, – топает он ногой в пол.

* * *

«Наивный человек! Властелин тот, кто усилием воли творит чудеса. Банкир попросил показать «живую сирену... цитирую... или нечто вроде того». Я – показал, он заплатил за показ. Не моя вина в том, что артефакт исчезнет уже через час. «Видения... цитирую... не имеют практического применения».

«Ничего унижительного мы не увидели».

«Вместо того, чтобы самому гоняться за властью и деньгами, я позволил Фортуне распоряжаться собой, совершив в юности унижительный ритуал подчинения ей во сне, а по прошествии лет наяву. После вопросов, которые обычно задают участники церемонии новому брату при вступлении в орден Кинжала и Розы о верности ордену, о согласии отдать свою жизнь на заклятие или кого-нибудь вместо себя и прочие глупости, соответствующие моменту, Фортуна приступила к исполнению весьма унижительного ритуала, для которого эвфемизм еще не придуман – посвященные, впрочем, знают, о чем идет речь. Несмотря на то, что происходящее являлось лишь воспроизведением на экране сновидения, ритуал был соблюден, и я мог бы занять место властелина, если не мира, то Европы, во всяком случае, но отказался, чтобы стать режиссером».

«Вундеба! – восклицает генерал. – Манифик! Вот то, что надо! Чем закончился сон?»

«Просыпаюсь и... что же я вижу!?»

«И... что?»

«То, что во сне, то и наяву!»

Спящая красавица

«Представьте, теперь, что вам снится сон. По трамвайным путям между двумя рядами красных стволов соснового леса в Сокольниках идет генерал: какое-то время вы будете смотреть на мир его глазами. Трамвай останавливается и задним ходом возвращается. Двери раскрываются. Вы беретесь за поручни, но получаете удар электричеством. Девочка подает руку: „Не держитесь за поручни. Мы специально ток подвели, чтобы любопытные дальше порога не шли“. Вы заходите и с удивлением осматриваете оранжерею в трамвае, из которого вынули сидения, а вместо них поставили статуи и вазы с цветами».

* * *

– Не удивляетесь, – говорит девочка. – Мы снимаем кино... так мы всем говорим... подбираем натуру для фильма. На самом деле мы здесь живем. Моя фамилия Мнишек, а имя Зарина. Чтобы стать самой известной из всех неизвестных знаменитостей мира, я сбежала из дома... из Ташкента далекого. Папа, его сослали в Ташкент, город хлебный, как говорили тогда, был поляком из бывших, а мама в местном театре нашлась. Она в свое время в гареме эмира Бухарского нахваталась привычек гаремных и мне привила, соответственно. Я жила как в раю, но в провинции разве прославишься, и вот я в столицу отправилась.

– А кто твоя спутница, деточка?

– Моя спутница актриса французская Карабасова Анна. Она села в Берлине на поезд по сюжету фильма Кирсанова – режиссера известного – и заснула, а проснулась в Москве. Возможно, еще не проснулась. Никак не вернется домой. «Спящая красавица». Сказку французскую помните? Красавица в зеркало все на себя там смотрела-смотрела и досмотрелась, яблоко из вазы взяла и из зеркала сама себе подала, а та, дура, взяла. С другой стороны, кто не возьмет: вспомните Еву! Красавицы вообще не очень-то осматрительны, особенно когда осматривают свои достоинства в зеркале, чтобы с подругами сравниться – не в их пользу, разумеется, даже если сами не очень, а эта красавица писанная! Пером Шарля Перро, если помните. Определенно, гусиным. Откусила кусочек яблока и уснула онерическим сном.

* * *

Анна идет по коридору коммуналки. Ее догоняет роллс-ройс, она поднимает руку. Кирсанов во фраке, цилиндре и плаще а-ля Макс Линдер открывает дверь и жестом приглашает ее. Они едут по коридору, проезжают украшенные мрамором холлы и, наконец, въезжают в огромную, как заводской цех, коммунальную кухню со стенами, окрашенными свежей оранжевой краской с полосками гари у газовых плит.

– Эй, поселянин, – обращается Кирсанов, упираясь тростью в грудь одного из обитателей кухни, – где это мы оказались?

– Не знаю, как вас по имени отчеству...

– Можешь звать меня сэр, – говорит Кирсанов, доставая из машины бутылку шампанского и два бокала. Они чокаются и выпивают.

– Премного благодарен, товарищ... э... сэр.

– Стало быть, мы у товарищей. Рассказывайте, – обводит Кирсанов круг тростью, – как вы дошли до жизни такой?

Анна в шикарном вечернем платье, с сигаретой на длинном мундштуке ходит по кухне от стола к столу, бесцеремонно заглядывая в кастрюли и лица. Она подходит к мальчику в круг-

лых очках с раскрытой книгой на груди. Надпись на обложке гласит: «Удивительные приключения маркиза де Караба в стране Дураков». Анна берет его за подбородок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.